

И ГАСИЋЕТ СВЕТ

...из Габена

Владимир Торин

Annotation

Габен начинается именно отсюда. С этой повести, с этого промозглого осеннего вечера, затянутого туманом. С этого вот человека, который еще даже не подозревает, какие его ждут беды и напасти. Габен начинается с того, что... гаснет свет.

Владимир Торин

И гаснет свет

Часть первая. Милые игрушки

Гудок штормовой тревоги прорезал густой грязно-серый туман. Лениво завывая с аэробакенов и со столбов на перекрестках, сирена Срочного Тревожного Предупреждения оповещала жителей города, что к ночи ожидается туманный шквал.

Мгла затопила Габен еще ранним утром. А затем, с каждым часом, она все поднималась и замешивалась, уже к вечеру сгустившись настолько, что полеты над городом отменили. Даже наземный транспорт работал с перебоями: кэбы исчезли, старенький омнибус не ходил, да и на трамваи было рискованно полагаться. При этом обвившие паутиной город трубы пневматической почты дрожали, почти не успокаиваясь, — сегодня они работали в усиленном режиме: личное общение заменили собой послания в капсулах.

Когда начало темнеть, уже ни у кого не осталось сомнений в том, что, пока шквал не закончится, нос из дома лучше никуда не высовывать. Ну а те, у кого дома не было, забрались в подвалы и на чердаки, забились в щели, откуда их не вытянуть — разве что клещами.

Постепенно улицы опустели. Полицейские тумбы на перекрестках выглядели одинокими и покинутыми — констеблей распустили по домам еще в два часа дня, и сейчас вроде как было самое время для всяческой мерзости, что порой творится на габенских улочках, но различные грабители, коварные убийцы, заговорщики и им подобные предпочли взять выходной. И то верно — кому захочется исчезнуть в тумане, раствориться в нем без следа.

Когда окончательно стемнело, Тремпл-Толл, который еще называют Саквояжным районом, словно бы и вовсе вымер. Мощные брусчаткой улицы и мосты, обычно суетливые и бурлящие жизнью дворы-колодцы, еще вчера шумные рынки и нервная, как пациент психушки, Чемоданная площадь с хмурым зданием вокзала — все замерло и смолкло...

Время будто бы остановилось в укутанном во мглу городе. Помимо гудков сирены, от которых всякий раз внутри все вздрагивало, здесь сейчас не раздавалось ни единого звука. Вой ветра, трамвайные звонки, людские голоса, обычные для Тремпл-Толл скрипы, скрежет, звон, дребезг... их словно выключили. Туман пожрал все.

Почти все. Если вслушаться, в районе улицы Бремроук можно было различить звук быстрых шагов.

В тумане шел человек.

Совершенно не примечательный с виду человек — такой, знаете ли, обывательский обыватель. Но вся его обыденность сходила на нет, стоило только к нему как следует присмотреться. Это был нервный, чем-то обеспокоенный мужчина средних лет. Волосы взъерошены, пальто распахнуто, шляпа-котелок танцует в дрожащих пальцах, а под мышкой зажат портфельчик, из которого торчат конторские бумаги, подписанные неким Джонатаном Мортонем.

Даже невооруженным глазом было видно, что Джонатан Мортон то ли о чем-то забыл, то ли что-то потерял, то ли кого-то искал. Или же все это одновременно. И нервозность его, казалось, была вызвана вовсе не приближающимся к городу туманным шквалом.

Сегодня пошло не так решительно все. Это был именно тот день, когда Джонатан должен был быть дома пораньше, но мистер Лейпшиц-старший из конторы «Лейпшиц и Лейпшиц», начальник Джонатана, будто назло никого не отпускал до тех пор, пока даже

конторские часы не устали идти. Злобный старик заставил всех своих служащих доделать отчеты, и никакие просьбы и мольбы не могли тронуть его сухую канцелярскую душу. Какие там просьбы, если даже сообщение о том, что на город надвигается жуткий шторм, в виде аргумента засчитано не было. И лишь когда дотошный глава конторы лично удостоверился в том, что все бланки заполнены, папки завязаны, а чернила налиты в чернильницы, он смилостивился и распустил своих клерков по домам.

Было восемь часов вечера. Стемнело, а туман уже поднялся до уровня третьего этажа. Раздраженный и уставший, Джонатан вышел из унылого, как ноющая зубная боль, здания, которое всей душой презирал, и направился к станции паротрамвая «Беззубый мост».

На станции во мгле стояли несколько человек. Встревоженные глаза, нахмуренные брови и нервно прикушенные губы. Эти люди напоминали лунатиков, которые вдруг вышли из своего сомнамбулического блуждания и явно не понимали при этом, где они оказались и как сюда забрели. Кто-то кивнул Джонатану, кто-то бросил на него быстрый взгляд и отвел глаза, а кто-то внутренне удовлетворенно осклабился, словно что-то шло по какому-то его плану.

Джонатан просунул в щель для монет пятьдесят пенсов и крутанул ручку. В тот же миг билетная будочка затряслась и заскрежетала, словно захихикала, и из нее выполз билетик. Разогнав рукой туман перед лицом, Джонатан уставился на станционные часы, висящие на столбе. Выдвигали они что-то странное: ячейки на датчике обратного отсчета до прибытия трамвая зависли между «10» и «09». Судя по всему, часы были попросту сломаны...

Ни через девять, ни даже через десять минут трамвай не подошел. Джонатан и его собратья по несчастью прождали не меньше часа, и за это время мимо не проехал ни один экипаж. Казалось, что, кроме станции, весь Габен просто исчез, его будто бы больше не существовало... Под кованым навесом с каждой минутой все сильнее крепло вполне логичное предположение, что трамвая сегодня можно уже и не дожидаться. На что кто-то постоянно твердил: «Нет, что вы! Еще будет! Последний трамвай! Это точно! Можете мне поверить!».

Джонатан поймал себя на том, что достает из жилетного кармана свои старенькие часики уже едва ли не каждую минуту, и подумал, что со стороны сейчас, вероятно, напоминает какого-то невротика. То и дело он порывался отправиться пешком, ведь, по сути, идти ему было не особо далеко — до следующей станции, но как часто и бывает, он все надеялся, что вот-вот, ну вот прямо сейчас, ну почти-почти... и трамвай подъедет. Да и мысль «Но я ведь купил билет...» не давала ему ступить и шага. Сугубо из-за своей нерешительности, он и простоял так долго.

И все же этот мерзкий город, видимо, решил сменить гнев на милость, и минут через пятнадцать к станции, пытая и скрежеща, подкатил трамвай маршрута «Сонный сквер — площадь Неми-Дрё». Джонатан обрадовался, забрался в полупустой вагон и пробил билетик зубами бронзового компостера. Выбрал место у окна.

Двери-гармошки с лязгом закрылись. Из рупоров-вещателей над ними раздалось трескучее: «Следующая станция — Городская лечебница», — и вагон, качнувшись, тронулся.

Трамвайщик зажег дополнительные фонари, но даже с ними удавалось осветить лишь ближайšie несколько футов впереди, поэтому он был вынужден ежечасно трезвонить, предупреждая возможных котов, бродячих собак, пьянчуг и нищих детей, чтобы убирались с дороги.

Джонатан почти не обращал внимания на эти обычно раздражающие звуки. Его

утешало, что он внутри, а не где-то там — потерян во мгле. Он представлял, что скоро выйдет у Больницы Странных Болезней, быстренько преодолет квартал и, наконец, окажется на углу Хартвью и Флеппин. Ему не терпелось поскорее увидеть яркие светящиеся витрины, услышать веселую карнавальную музыку и ощутить это вышедшее прямоком из детства чувство — тепло, разливающееся по телу, когда коробку запаковывают в пеструю бумагу и перевязывают ленточками. А еще...

Добрые мысли вдруг забились по углам, как испуганные дети с возвращением злобного отчима.

Впереди сидели две дамы со сложенными антитуманными зонтиками, они что-то горячо и довольно громко обсуждали. Джонатана не особо волновало, о чем они говорят, пока до его слуха не долетело знакомое название.

— «Тио-Тио» — лучшая игрушечная в Тремпл-Толл, — сообщила одна из дам важно. — А новая коллекция кукол «Миранда. Коллекция для послушных девочек» просто восхитительна! Марджори мне все уши прожужжала об этих куклах. Но мистер Догерти ее хвалил, и я поддалась на уговоры!

— Моя Клотильда вся обзавидуется, — проворчала другая дама. — Она тоже непременно захочет себе эту... эту Миранду.

— А ты не говори ей пока, что у Марджори она уже есть. Подожди, пока шквал не пройдет, а потом пойди в «Тио-Тио» и купи ее.

— Может быть, сейчас выйти и купить? Это же Клотильда! Она точно как-то прознает и устроит нам с Говардом кавардак и катастрофу.

— Ничего не выйдет. «Тио-Тио» уже не работает. Мадам Фрункель как раз закрывала, когда я уходила. Мы с одним лысым джентльменом, тем, у которого отвратительный длинный нос (я тебе рассказывала), были последними покупателями.

— Какая жалость...

«Да уж! Вот именно — какая жалость! — Джонатан сжал ручки портфельчика так крепко, что даже пальцы заболели. — Какой же я болван! Марго меня убьет... Бедный Калев — он так ждет подарка!»

Трамвай остановился, двери открылись, что-то проскрежетало в рупоры трамвайщик.

С тоской отметив наглый клочок тумана, вползший в вагон у Больницы Странных Болезней, Джонатан уставился в окно, за которым ничего, кроме мглы, не было. Учитывая подслушанный разговор, выходить на станции больше не имело смысла. Ему отчетливо виделись разочарованные лица жены и сына, когда он сообщит им, что ничего не купил. Нет, он не сможет им этого сказать... просто не сможет... Калев не должен остаться без подарка в свой день рождения!

Джонатан решил не возвращаться домой, пока не купит подарок, и принялся вспоминать, где же еще поблизости были лавки или игрушечные мастерские. Ничего подходящего как назло не вспомнилось, к тому же в такое время и непогоду всё уже, вероятно, закрыто. Проклятье! Сперва этот туман, потом бездушный мистер Лейпшиц, а затем еще и трамвай, которого не было так долго... и вот он не успел в «Тио-Тио». Разве могло быть еще хуже?..

Трамвай вдруг резко качнулся, вздрогнул, словно у него прихватило сердце, и встал. Котел в рубке водителя зарычал на весь вагон, салон наполнился паром и шипением. Мигнули и погасли лампы. За ними и наружные фонари...

— Что такое? — раздались удивленные и испуганные голоса. — Что случилось?

Из вешателей над дверями раздалось: «Поломка! Поломка! Трамвай дальше не идет!».

— Ну вот! Здорово! — прорычал себе под нос Джонатан и направился следом за прочими возмущенными пассажирами к раскрывшимся дверям-гармошкам.

Трамвай не дотянул до станции «Бремроук-Фейр» совсем чуть-чуть — остановился в нескольких ярдах от перекрестка Бремроук и Харт.

На углу стояла синяя полицейская тумба с четырьмя торчащими во все стороны сигнальными трубами. Рядом с ней, точно восковая фигура, замер констебль в шлеме и темно-синем мундире с гербовыми бронзовыми пуговицами. На руках у него были белые форменные перчатки, а на поясе висела дубинка. Само наличие полицейского на посту удивило Джонатана — он полагал, что их всех на сегодня освободили от обязанностей.

Джонатан подошел к констеблю и кивнул ему.

— Прошу прощения, сэр. Добрый вам вечер.

— И вам добрый вечер, — глухо пробасил полицейский, окинув подошедшего подозрительным взглядом.

— Вы мне не поможете? Я попал в...

— Затруднительное положение? Слушаю вас.

— Вы не подскажете, поблизости нигде нет лавки игрушек или кукольной мастерской?

Констебль поглядел на Джонатана как на сумасшедшего.

— Вы ведь знаете, что объявлена штормовая тревога?

— Да-да, сэр. Просто это дело невероятной важности...

Полицейский потер подбородок.

— Ничего на ум не приходит. Хотя... — он вдруг замолчал, припоминая. — Да, были же «Детские манатки Монти». Небольшой магазинчик на третьем этаже дома на Бромвью, прямо возле аптеки Медоуза. Работали сутки напролет...

— О, благодарю вас, сэр!

— Не спешите радоваться! — хмуро сказал констебль. — Монти разорился.

Джонатан едва сдержал себя, чтобы не выругаться в присутствии представителя закона. Он поблагодарил констебля, пожелал ему хорошего вечера и, преисполнившись гневом и отчаянием, направился по Харт в сторону дома.

— Мистер! — окликнул его полицейский, и Джонатан обернулся. — Я не советовал бы вам сейчас идти по Харт — мне сообщили с соседнего поста, что там туман уже добрался до чердаков. Лучше следуйте по Бремроук — она не такая узкая! Может, не заблудитесь...

Джонатан кивнул и, последовав совету, двинулся вниз по Бремроук, вдоль трамвайных путей.

Констебль у тумбы будто нарочно выждал, пока он не скроется в тумане, после чего огляделся по сторонам, снял шлем и потопал как раз таки по улице Харт. Действия полицейского могли бы показаться Джонатану весьма странными, если бы он, конечно, их увидел.

Улица Бремроук, одна из самых оживленных и широких улиц Саквояжного района, сейчас совершенно на себя не походила. Было странно наблюдать отсутствие очереди к чистильному шкафу и почтовой тумбе. Было непривычно видеть окошко местной живой достопримечательности, мадам Эдвины Эдвис, продающей советы, закрытым. Что уж говорить, если даже никогда не затыкающаяся рекламная будка возле булочной «Бротт и Кристин» молчала — все ее трубы понуро склонились к земле, словно увядшие цветы. Окна лавок прятались за ставнями, а механическая вывеска-рыбка над «Чешуей Филлипа», обычно

шумная и жужжащая шестерёнками, замерла в безмолвии. Семафоры не горели. Самоходные экипажи марки «Труде» стояли вдоль бордюра с погашенными фонарями.

Пустынный тротуар, на котором всегда было не протолкнуться, сейчас принадлежал одному Джонатану, но он старался идти ближе к стене дома, чтобы не потерять направление. В простенках между окнами висели афиши нового радио-спектакля: их расклеили еще утром, когда только сообщили о грядущем шторме. На афишах была изображена черная фигура в пальто и цилиндре, застывшая в дверном проеме. Вокруг нее багровыми буквами значилось:

«То, чего вы все так ждали!

Щекотка для нервов, шаги за спиной, скрип половицы!

Радио-спектакль

“ТАИНСТВЕННОЕ УБИЙСТВО”.

История, от которой стынет кровь!

Маховик для вашего сердца!

Гриммер вашей бледности!

Жуткое и загадочное происшествие!

Начало: с двенадцатым ударом часов в полночь. Не пропустите!

(вещание Старого центра)»

Что ж, афиша как ничто иное иллюстрировала сегодняшний Габен, впавший в кому Тремпл-Толл и настроение самого Джонатана Мортонна.

Пустая трамвайная станция осталась позади, как и бакалея «Гнуфф» и мастерская по ремонту малых домашних механизмов. Дом внезапно оборвался — закончился, будто газетная страничка.

На столбе висел указатель: *«Переулок Фейр»*. Джонатан глянул на табличку и погрузился еще сильнее: ему еще идти и идти — будет здорово, если он доберется домой к полуночи и будет просто замечательно, если он успеет до начала шквала. А еще он уже совершенно отчаялся, понимая, что подарок для сына ему сейчас нигде не купить.

К столбу прислонился сколоченный из досок щит, на котором висела очередная афиша. Джонатан мимоходом бросил на нее безразличный взгляд: еще одно объявление о радио-спектакле? Он прошел еще не меньше дюжины шагов прежде, чем понял, что именно прочитал.

Пребывая в смятенных чувствах, Джонатан вернулся к столбу и уставился на плакат. Угольное изображение танцующего шута было настолько неровным и угловатым, будто его нарисовал ребенок — и не просто ребенок, а ребенок-пьяница. Но вот то, что было написано над ним, буквально ошарашило Джонатана. Он не верил своим глазам. А еще меньше он верил приписке в самом низу: *«Работаем без выходных, в любое время дня и ночи и в любую погоду»*.

С трудом придушив в себе любые происки надежды, Джонатан направился к указанному на плакате переулку Фейр. Прежде чем в него войти, он в нерешительности замер. Дома по обе стороны переулка подступали друг к другу близко-близко, а единственный фонарь светился где-то в его глубине, как-то уж слишком нарочито приманивая к себе. Идти туда совершенно не хотелось, но выбора особо не было.

Звук шагов Джонатана эхом разошелся по переулку Фейр, но в нем же, казалось, и умер:

вряд ли кто-то извне услышал бы его, даже проходя совсем близко. И уж точно никто Джонатана здесь не увидел бы. Ни одно окно в переулке не светилось. По сторонам чернели подъезды — в открытых дверях поселился туман. Здание по левую руку, старое кабаре «Тутти-Бланш», стояло заброшенным и заколоченным много лет. Одни говорили, что в нем когда-то случился пожар, в котором сгорела вся труппа. Другие утверждали, что в один из вечеров там произошла ужасная резня. В любом случае это место пользовалось дурной славой.

В темном закутке под прогнившим балконом стоял старый футляр от контрабаса — судя по спешно захлопнувшейся крышке и промелькнувшим на мгновение испуганным женским глазам, внутри него кто-то жил. Ну да, уж лучше такое укрытие от непогоды, чем никакого...

Вскоре Джонатан уперся в стену дома — переулок оказался тупиковым. В тусклом свете газового фонаря он с трудом различил вывеску над дверью. Надпись гласила:

«Лавка игрушек мистера Гудвина».

Большие запыленные окна темнели — что-то не было похоже, что здесь работают без выходных, в любое время дня и ночи и в любую погоду.

Где-то в тумане завывала собака. Джонатан вздрогнул и обернулся — ему стало совсем не по себе. Хотелось убраться отсюда поскорее, но каким-то чудом он все же себя превозмог: времени топтаться на пороге больше не осталось — гудки сирены за последние полчаса участились, теперь они звучали резко, нервно и дерганно. Это был последний шанс...

Джонатан надавил на ручку, втайне надеясь, что заперто. Скрипнули старые петли. Зазвенел колокольчик над притолокой. Джонатан вошел в лавку, и стоило ему закрыть за собой дверь, как фонарь у вывески мигнул и погас.

Внутри это место выглядело как старый комод. Тусклая керосиновая лампа с засмоленным плафоном, стоявшая у ржавого кассового аппарата, давала очень мало света — не удивительно, что его совсем не было видно с улицы. А вот для того, чтобы окончательно разувериться в жизни, Джонатану его хватило.

Бросив взгляд на пустые полки, оценив мрачную полутьму и пожившись от негостеприимного холода, он нахмурился. Подвох. Обман. Это так в духе этого мерзкого города. Быть может, «Лавка игрушек мистера Гудвина» и работала в любое время и в любую погоду, но дело в том, что в ней не было никаких игрушек. Лишь пыль и запустение, а еще вдали, за стойкой, замер старый манекен в потертом фраке, старомодной двууголке на голове и потрескавшейся арлекинской маске с длинным носом. Джонатан ни за что не купил бы эту, в общем и целом, уродливую и непритязательную штуковину. Зачем она здесь? Для отпугивания грабителей? Или покупателей? В любом случае, кроме клубящейся тьмы по углам да уродливых теней, застывших на полу, в странной лавке игрушек особо ничего и не было.

Решив, что увидел достаточно, Джонатан покачал головой и уже повернулся к двери, чтобы уйти, как тут из глубины лавки раздался скрип. Перепуганный посетитель вздрогнул, обернулся и с удивлением понял, что звук издал оживший манекен.

— Заблудились, мистер? — спросил он неприятным тягучим голосом.

За стойкой стоял вовсе не манекен. Человек в маске едва заметно повернул голову и... Джонатану показалось, будто на мгновение из прорезей для глаз этой маски просочилось

немного тьмы, после чего она забралась обратно. Хотя, возможно, все дело было в обманчивых тенях от неровного света чадающей лампы. Джонатан заставил себя успокоиться. Это все мнительность, уверял он себя. Тревожное ожидание скорого шторма, целый портфель невзгод, которые он таскает за собой весь день, само это отвратное место, да и фигура за стойкой. Это все никак не способствует душевному покою.

Молчание затягивалось, и с каждым мгновением тишина становилась все более вязкой, гнетущей. Взяв себя в руки, Джонатан кашлянул и ответил:

— Прощу прощения. Я, видимо, ошибся.

Человек за стойкой склонил голову в двууголке набок.

— Так вы ошиблись?

— Я ведь так и сказал.

— Нет. Вы сказали, что вы «видимо» ошиблись. И смею вас заверить, это крошечное, недоуменно себя ведущее словечко подразумевает сплошную неуверенность и неопределенность. В вашем случае оно, боюсь, значит, что вы в совершенно равной степени могли как ошибиться, так и не ошибиться. И раз уж вы проделали свой путь откуда бы вы там ни прибыли, вышли в непогоду, несмотря на штормовое предупреждение, и в итоге добрались сюда, то, быть может, вы все же удостоверитесь, чтобы знать точно: ошиблись ли вы, или же не ошиблись вовсе?

— Это ведь «Лавка игрушек мистера Гудвина?», — зачем-то уточнил Джонатан, сбитый с толку странными в своей последовательности и абсурдными в своей логичности словами человека за стойкой. Хотя человека ли? На мгновение ему почудилось, что под костюмом у того крошечная пустота — не зря лицо скрыто маской, а на руках — перчатки. Или нет: внутри заводной автоматон. Джонатану вспомнился Мори — всем известный механический человек из лавки «Нортон и К°. Прокат слуг-автоматонов». В голове у Мори установлены какие-то вычислительные машины и фонографические цилиндры — он даже умеет поддерживать беседу. Дотошно-методичные реплики человека в маске весьма походили на машинную речь Мори. И все же в голосе незнакомца за стойкой звучало легко читаемое раздражение, что опровергало догадку Джонатана — автоматоны не способны испытывать эмоции.

— В этой дыре, я имею в виду Тремпл-Толл, у всего есть свои этикетки, — сказал человек в маске. — Здесь подписано буквально все. Как будто кому-то есть какое-то дело до того, как и что где-то называется. Витрины и ящики шкафов, уличные указатели и рекламные щиты, продажные души и искусственные люди — над каждой мышинной норой или собачьей конурой висит своя вывеска. И чаще всего их вывешивают скучные серые личности, которым незачем обманывать.

— А вы? — спросил Джонатан. — Вам есть, зачем обманывать ваших посетителей?

Ответом ему стал исключительно многозначительный, но весьма пугающий смех из-под маски. Он походил на быстрый поспешный завод часового механизма, что вновь напомнило Джонатану о Мори.

— Так вы и есть мистер Гудвин, владелец лавки? — спросил он. — Я просто надеялся купить у вас игрушку.

— Вы любитель игрушек?

— Игрушку своему ребенку.

Человек за стойкой склонил голову на другой бок, будто бы пристально разглядывая посетителя через прорези в маске. После недолгой, но томительной паузы он произнес:

— А... так вы из этих...

— Простите? — удивленно проговорил Джонатан.

— Вы из этих... — мистер Гудвин замолчал, словно подбирая нужное слово, — родителей, которые забывают о своих детях и покупают им подарки в самый последний момент. И такие подарки, вам стоит знать, — это худшие на свете подарки: выбранные в спешке, они завернуты в нервы и перетянуты, словно ленточками, безразличием. А внутри... внутри лишь разочарование. Это всегда не то, чего вы хотели, не то, чего вы ожидали, но определенно то, о чем вы когда-нибудь пожалеете.

— Нет, я не из этих, — оскорбленно ответил Джонатан, но на его беспокойном лице явно проявились следы стыда. — Так у вас... у вас ничего не осталось? Нет ни одной игрушки?

— Видимо, все раскупили к праздникам! — вальяжно заявил мистер Гудвин.

— Простите, к каким праздникам?

— К разным.

— Что же делать... что же делать, — пробормотал Джонатан.

— Хм... я понял. — Мистер Гудвин наклонился вперед и завис над стойкой. Словно голодное растение-мухоловка на тонком стебле, он, казалось, потянулся к мухе-Джонатану. — Вы явились сюда только потому, что в «Тю-Тю» закрыто, а «Детские манатки Монти» разорились?

Этот вопрос прозвучал неожиданно и застал Джонатана врасплох. Мистер Гудвин будто был осведомлен об истинном положении дел, что не могло не настораживать: не мог же он, в самом деле, все угадать! При этом в его голосе прозвучала какая-то детская обида с примесью угрозы.

— Я... нет. Мне просто нужна была игрушка.

Хозяин лавки, очевидно, оскорбленный до глубины души, вознамерился поскорее избавиться от нежелательного посетителя, поскольку отвернулся и раздраженно бросил:

— Нет здесь никаких игрушек! Вам пора! Уходите!

Джонатана покорило от подобной незаслуженной грубости.

— Я с самого начала собирался уйти. Но вы меня задержали.

— Что?! Это возмутительно! Уходите, я вам сказал!

Возмутительным на самом деле являлось как раз таки отношение мистера Гудвина, но Джонатан более не собирался задерживаться в этом угрюмом месте и молча повернулся к двери. Он уже положил руку на дверную ручку, когда хозяин лавки неожиданно произнес:

— Пойдите-ка. — Он передумал. — Кажется, у меня все же кое-что есть для вас.

Джонатан в недоумении обернулся:

— Так вы же сами сказали, что ничего нет. Что все раскупили перед праздниками.

— Я сказал «видимо», — заметил мистер Гудвин.

— То самое «видимо»?

Хозяин лавки кивнул, велел: «Ждите здесь» — после чего скрылся за невысокой дверкой, которая пряталась за стойкой.

Джонатан стал ждать. Он все пытался понять, что же заставило этого странного человека передумать: сперва он его прогоняет, после чего тут же останавливает, намереваясь что-то ему продать. Вряд ли он его пожалел. За все время короткого разговора с мистером Гудвином, Джонатан точно уяснил одну вещь: это отнюдь не добрый человек, и жалости в нем не сыскать ни на грош. В другое время он предпочел бы и вовсе с ним не встречаться, не

разговаривать, не вести никаких дел и... и тут Джонатана осенило: вероятно, мистер Гудвин решил всучить ему какой-то хлам! И верно: зачем упускать возможность подзаработать на наивном простаке, которого занесло в твою лавку, как клочок газеты, приволоченный ветром?! Что ж, это вполне в духе габенских торгашей...

«Не попадись, Джонатан! — предостерег себя мистер Мортон, клерк из конторы “Лейпшиц и Лейпшиц”. — Не позволяй отчаянию заставить тебя потратить деньги на какую-то дребедень. Помни, что ты покупаешь это Калебу. Он заслуживает хорошего подарка. А вовсе не такого, как этот черствый Гудвин живописал: выбранного в спешке...»

Когда мистер Гудвин вернулся, Джонатану хватило лишь одного быстрого взгляда на то, что сидело у него на руках, чтобы недобрые подозрения пробрались к нему в душу еще глубже. Это определенно было то, чего он никак не ожидал увидеть, уж точно то, что он при других обстоятельствах не стал бы покупать, и, без сомнения, то, о чем он мог бы пожалеть, вздумай он принести это домой.

— Вы можете его упаковать? — спросил Джонатан и тяжело, с внезапно подступившим ощущением совершаемой ошибки, вздохнул.

Если сравнить Тремпл-Толл со старым сундуком, забитым различным хламом, то квартира по адресу «улица Каштановая, № 24» была бы какой-нибудь крошечной вещицей, и пришлось бы достаточно покопаться, чтобы ее отыскать. И дело вовсе не в том, что она пряталась — о нет! — скорее, она просто была незаметной и совершенно не отличимой от прочих.

Дверь с почти полностью стертым номером «24» была точно такой же, как и другие двери в этом доме. Она была такой же, как и двери дома напротив, за которым располагался точно такой же дом с точно такими же дверями с точно так же стертыми от времени номерами. Лишь престарелый почтальон мистер Лейни знал, кто здесь где живет.

На первом этаже квартиры, о которой идет речь, располагались кухня и гостиная, на втором — спальня и детская. Не очень просторное место, но довольно уютное.

Кухня наполнилась жаром, все кругом было в мучной пыли, пироги томились в печи. Женщина в переднике суежилась у плиты и время от времени тревожно поглядывала на часы, висевшие на стене гостиной. Ее муж задерживался. Он, разумеется, знал, что сегодня не обычный день, поэтому его отсутствие было вдвойне странным и втройне ее нервировало. Помимо всего прочего, погода разыгралась не на шутку. Туман к ночи стал настолько плотным, что от него можно было отрезать кусочек, а затем сварить из этого кусочка пудинг.

Каждый раз, когда до женщины в переднике доносился отдаленный вой со штормовых бакенов, она выглядывала в окно, постоянно забывая, что за ним уже давно ничего не разглядеть. Недоброе предчувствие что-то невнятно бубнило в голове, и постепенно его голос становился все громче. Пару раз она уже подумывала натянуть пальто, взять фонарь и выйти на улицу, пройти до угла и обратно, но пока что непоседливые пироги требовали всего ее внимания.

Женщину эту звали Марго Мортон. Она жила в доме № 24 по улице Каштановой вместе с мужем Джонатаном, который временами вел себя как самый настоящий ребенок и никогда не давал ей скучать, и сыном Калебом, который каждый день находил новые способы ее

удивить. И хоть Марго не была нервной особой, но сейчас из-за мужа ей то и дело представлялись различные ужасы, которые могли с ним приключиться на предштормовых улочках Саквояжного района.

И хоть Тремпл-Толл совершенно не похож на скрючившийся за каналом захолустный район Фли, но он не намного лучше. Перед вами лежат две черствые краюхи, и Тремпл-Толл всего лишь та, что подпорчена чуть меньше. Грабители, злобные полицейские, различного рода сумасшедшие, голодные бродячие псы, да и просто выбоины под ногами. Здесь могло приключиться что угодно. А Джонатан был как раз из тех, с кем то и дело что-то приключалось. Еще и этот туманный шквал...

Марго не смогла сдержать вздох облегчения, когда раздался знакомый скрип ключа в замочной скважине, дверная ручка повернулась, и в прихожей, фыркая и отплевываясь от тумана, появился Джонатан.

— О, мгла поселилась и у нас! — констатировал он, увидев замершую в мучном облаке супругу.

Вытерев руки о передник, Марго подошла к Джонатану. И пусть она и была рада, что он уже дома, взгляд ее иначе как требовательно-вопросительным было не назвать. А еще в нем застыл ее коронный немой укор: очевидно, что он все на свете забыл! «Все на свете», в понимании Марго, — это девятый день рождения их сына, а еще это подарок, который Джонатан должен был купить. И это несмотря на то, что она ему напоминала. Говорила накануне: «Не забудь!». Написала сиропом на утренних блинчиках: «Не забудь!». Отправила в полдень ему в контору по пневмопочте записку: «Не забудь!». Но он все равно забыл! Ох, это так в его духе!

Тут на лестнице раздался топот, и вприпрыжку вниз спустилось растрепанное и немного сопливое русоволосое существо в шерстяных гетрах, клетчатых бриджах, рубашке и криво застегнутой жилетке. Соскочив с последней ступеньки, существо со смехом и радостным визгом «Папа пришел! Папа пришел!» ринулось в прихожую.

Лишь завидев отца, мальчик окинул его взглядом опытного сыщика в поисках подарков, но ему предстали лишь пропитанное туманом пальто, старый отцовский портфель и крошечная абсолютная бесподарочная пустота.

Джонатан Мортон снял котелок и повесил его на вешалку.

— Папочка, ты что, мне ничего не купил? — жалобно спросил мальчик.

Джонатан бросил взгляд на Марго, которая осуждающе покачала головой, — и заговорщически подмигнул ей. Это его подмигивание стало для нее вдруг теплее любых утешительных объятий, и она поняла, что он что-то затеял. Ох, это так в его духе!

Джонатан наклонился к сыну:

— Ты хорошо себя вел, Калеб?

— Да-да! Я хорошо себя вел! — Пытаясь быть максимально убедительным, мальчик едва ли не подпрыгивал на носочках.

Джонатан поглядел на Марго:

— Он хорошо себя вел? Ни в жизнь не поверю!

Марго рассмеялась, возвела глаза к небу и сказала:

— Ну, в сравнении с гремлинами, вел он себя не так уж и плохо.

Джонатан кивнул и уже собрался было что-то сказать, как вдруг настороженно замер. В квартире поселилась не предвещающая ничего хорошего тишина — лишь тикали настенные часы в гостиной да гудел огонь в кухонной печи. Марго недоуменно поглядела на мужа, а

Калеб непонимающе открыл рот. Джонатан поднял руку и медленно повернулся к двери.

— Вы слышите? — спросил он негромко. — Мне кажется, я слышу шорох. Как будто кто-то скребется в дверь. Вы слышите?

Марго и Калеб попытались вслушаться. Мальчик так напрягал слух, что у него даже уши заболели.

— Я ничего не слышу, — прошептал он.

Тем не менее, Джонатан был уверен, что не ошибся.

— Прислушайтесь! Кто-то точно скребется в дверь. Неужели кто-то стоит за порогом в такую непогоду?

Не прибавив больше ни слова, он шагнул к двери и распахнул ее. В дом тут же пополз туман — будто его кто-то звал. Мгновенно запахло сыростью и затхлостью башмака, выловленного в какой-нибудь канаве. За дверью было сплошное белесое марево.

Джонатан наклонился и нырнул головой в туман, словно тот, кто, по его словам, скребся в дверь, был исключительно низенького роста. Калеб испуганно взял маму за руку. Предчувствуя неладное, Марго нахмурилась. Она знала: неладное — весьма в духе Джонатана.

Тем временем Джонатан обернулся, с улыбкой поглядел на Калеба, а затем, словно фокусник, извлекающий кролика из шляпы, достал из тумана большую коробку.

Марго поморщилась — устроил тут целое представление! Ну, хоть про подарок не забыл. И все же... Ее смутило, что коробка эта совершенно не похожа на праздничную. Скорее, она выглядела так, словно о ней давным-давно забыли и до сих пор не вспоминали, а затем зачем-то решили вытащить из мусорного переулка. В боку дырка, бечевка вот-вот истлеет прямо на глазах, никаких тебе лент, никакой упаковочной бумаги. Просто пожелтевший от времени и набравший туманной сырости картон с отчетливым запахом крыс.

— Что там такое? — спросил Калеб с нетерпением.

— Хм! — произнес Джонатан и вместе с коробкой двинулся в гостиную. Сын потопал следом. Марго, вздохнув, затворила входную дверь и присоединилась к ним.

Джонатан поставил коробку на пол возле журнального столика, на котором громоздились стопки газет, письма, а еще поблескивал медью рог радиофора. Мальчик забрался с ногами на стул и, затаив дыхание, принялся наблюдать за каждым движением отца.

Джонатан взял нож и принялся разрезать бечевку, и в тот момент, когда она была практически перерезана, Марго могла бы поклясться, в коробке что-то негромко скрежетнуло...

Калеб сегодня получил несколько просто изумительных подарков. По почте весь день приходили подарки от бабушек, дедушек и всяких дальних родственников, и все это, разумеется, были игрушки. Мальчик лично встречал ворчливого старика-почтальона у дверей, говорил ему: «Большое спасибо, мистер Лейни!» — после чего бежал в детскую и в нетерпении распаковывал посылки. Он был счастлив, и его настроение не смогла испортить даже скучная и занудная тетрадь, которую подарила сестра его мамы, строгая тетюшка Джеральдин.

С самого утра Калеб играл с заводным дирижаблем «Эркхарт» — тот поднимался на пару футов над полом и жужжа курсировал по комнате, пока завод не сходил на нет — и

тогда крошечный аэростат плавно опускался на ковер. Прочие игрушки тоже были прекрасны, чудесны, восхитительны, но ни одна из них ни в какое сравнение не шла с тем, что подарил мальчику папа.

Мальш Кобб. Так его звали. По крайней мере, так было сказано на потрепанной бирке, прицепленной за нитку к тонкому деревянному пальцу. Мальш Кобб представлял собой куклу с бледным, как у трупа в сахарной пудре, лицом, а его прическа вообще походила на сумасшествие. Большие круглые глаза Мальша Кобба глядели на семейство Мортонів пристально и не моргали, в них застыл коварный блеск. Его нос торчал и корил, словно насмешка, его уши будто бы всегда подслушивали, а глубокие черные ноздри — вынюхивали. На его резных губах застыла нестираемая ухмылка — папин подарок выглядел так, словно задумал неладное.

Весь вид куклы таил в себе угрозу — Марго сразу это почувствовала. И в какой-то момент ей показалось, что деревянный человечек прекрасно понимает ее тревогу — оттого и ухмыляется.

— Какая жуть, — проворчала она, не в силах отвести взгляд от куклы, когда Джонатан только вытащил ее из коробки. — Это так в твоём духе — подарить ребенку подобное страшилище.

— А вот он и не страшилище! — возопил Калёб. — Это самый лучший, самый замечательный подарок! Он такой большой...

Кукла действительно была довольно большой. Если ее поставить на пол, то она вышла бы не ниже самого Калёба, а учитывая ее торчащие кверху рыжеватые волосы — и того выше.

— А какой у него костюмчик! — восхищенно добавил мальчик.

Одет Мальш Кобб был как самый настоящий маленький джентльмен: рубашка с запоночками, брючки в тонкую белую полоску, такая же жилетка, имелся даже галстук-бабочка. Лакированные туфельки очень походили на те, что сам Калёб надевал в школу — только они были не в пример, что странно, лучше и дороже. И если бы не пыль, которая покрывала Мальша Кобба с ног до головы, то можно было бы даже предположить, что в этой гостинице он одет изысканнее всех. Но да, пыль все портила.

— Сейчас мы его почистим, — сказал Джонатан. — Тащи-ка сюда одежную щетку, Калёб.

Мальчик соскочил со стула и ринулся в прихожую за щеткой, а Джонатан поднял глаза на Марго, всем своим существом чувствуя пронизывающий его осуждающий взгляд.

— Он похож на какой-то чердачный хлам, — проговорила Марго шепотом, чтобы Калёб не услышал.

— Мальш Кобб долго пылился в «Лавке игрушек мистера Гудвина», — негромко пояснил супруге Джонатан, — никто его не покупал...

— Удивительно просто, — проворчала Марго. — Посмотри только на этот его злобный взгляд. Если бы кто-нибудь подарил что-то подобное ребенку Джеральдин, ее бы удар хватил.

— Но ты ведь не Джеральдин, — веско заметил Джонатан, и осуждающий взгляд супруги чуть потеплел.

— Что ж, — сказала Марго, — ясно, почему его не покупали. Этот Мальш Кобб выглядит так, что, наверное, при одном только взгляде на него в слезах начинали биться не только дети, но и их благочестивые мамы из клуба Благочестивых Мамаш.

Марго всегда относилась с презрением и недоверием к высокомерным габенским дамам, которые неукоснительно и до боли дотошно следуют всем-превсем правилам, ходят, высоко задрав нос, читают прочим лекции и мнят себя не менее чем профессорами в предмете «Воспитание чада. Академический курс». Она считала, что внутри у этих женщин живут подлинные плутовки, которых те сами стыдятся и всячески пытаются скрыть. Она как могла пыталась не походить на них, поэтому временами была с Калэбом мягка, позволяла ему иногда просто побыть ребенком, в отличие от тех матерей, что либо пылинки сдувают со своих чад, либо с младенчества пытаются воспитать из них идеальных механических автоматов. Ее старшая сестра Джеральдин, к слову, была как раз из последней категории, поэтому нечего удивляться, что между ней и Марго были довольно прохладные отношения. Все усугублялось тем, что Джеральдин сразу же невзлюбила Джонатана и его склонную к непоседливости, рассеянности и некоторому авантюризму натуру. Но именно за все эти вещи сама Марго его и любила. Притащить домой жуткую пыльную игрушку, сделанную, вероятно, намеренно, чтобы пугать, мог догадаться лишь Джонатан, и Марго вдруг поймала себя на том, что совсем не злится на супруга, а, наоборот, даже считает его выходку хоть и глупой, но отчасти забавной.

— Папа, держи! — Калэб вернулся со щеткой.

— Ну что, Малыш Кобб! — театрально провозгласил Джонатан, нацеливая щетку на куклу, словно револьвер. — Я вызываю вас на чистильный бой! Это дуэль, сэръ! И она продлится до тех пор, пока вы не будете вычищены как следует!

Калэб рассмеялся, и Джонатан принялся возить щеткой по одежде куклы, по ее здоровенной голове и топорщащимся волосам. Пыль поднялась на всю гостиную.

Калэб расчихался, а Марго возмущенно возопила, чтобы Джонатан чистил это чучело в прихожей, поэтому никто не услышал, как чихнул Малыш Кобб.

— Нас выгоняют! Нас выгоняют! — с деланным ужасом воскликнул Джонатан, и Калэб снова рассмеялся.

— Вот именно! — задорно сказала Марго. Порой Джонатан подавал сыну не лучший пример, но он всегда мог его рассмешить, он был добрым человеком, и, глядя, как он несет Малыша Кобба в прихожую на руках, будто короля, распевая песенку «Важные персоны — дырявые кальсоны», а Калэб прыгает вокруг и подпевает, ее сердце наполнилось нежностью.

— Ой, пироги! — воскликнула Марго и ринулась к печи...

Вскоре пироги заняли почетное место на столе, а Малыш Кобб был приведен в какой-никакой порядок. Джонатан поднял его на руки и усадил на стул.

Внутри что-то гроыхнуло.

— Должно быть, какая-то деталь отвалилась, — сказал Джонатан и добавил, тихонечко обращаясь к жене: — Мистер Гудвин, кукольник, кажется, был рад избавиться от этой куклы. Видимо, она сломана.

Последнее мальчик услышал.

— Нет! Она не сломана! Она хорошая!

— Утром я посмотрю. Может, получится приклеить.

— Можно я с ней пока поиграю? Ну, пожалуйста! Я недолго! Честно! Совсем немножко!

— Уже так поздно... — начала было Марго.

— Ну, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

Джонатан и Марго переглянулись.

— Ну ладно, — сказала Марго. — Но как только я велю тебе идти спать, ты тут же гасишь свет. Договорились?

— Да-да!

— Хорошо. Джонатан, отнеси Малыша Кобба в комнату Калеба. Он слишком тяжелый.

Джонатан поднял куклу на руки и направился с ней к лестнице:

— Мы отбываем в дальнее плавание, до самой детской! Задраить люки! Поднять перископы! Покормить мышей!

— Каких еще мышей? — со смехом спросил не отстающий Калекб.

— Каких-нибудь! Всяких мышей! Голодных! — веско заметил Джонатан.

Когда он вернулся в гостиную, Марго обняла и поцеловала его.

— Ты молодец, — сказала она. — Он так счастлив. Кто бы мог подумать, что этот маленький уродец Малыш Кобб станет таким замечательным подарком.

Джонатан улыбнулся и поцеловал жену. Он и сам был рад, что мистер Гудвин оказался неправ, и вся его теория о подарках, купленных в последний момент, не стоила и выеденного яйца.

— А какой пирог вкусный? — спросил он и втянул носом душистый аромат, стоящий в гостиной. — С рыбой? Или с грибами?

Марго поглядела на него с деланной обидой:

— Они оба вкусные! — заявила она.

В детской горел камин. Тени от огня танцевали на стенах и потолке, вырисовывая на них таинственные узоры. Шторы были задернуты. За окном бушевал туманный шквал, и сирена потонула в нем, как в мешке.

Калекб уже переоделся в свою голубоватую полосатую пижаму, правда вот, находился он отнюдь не в кровати. Время было позднее, и мама уже несколько раз велела ему идти спать, но как он мог лечь и уснуть, когда здесь такое происходило!

Всякий раз, как он забирался в кровать и клал голову на подушку, его взгляд натывался на сидящего на ковре в центре детской Малыша Кобба. И Малыш Кобб будто бы глядел прямо ему в душу. Он был очень недоволен тем, что его оставляют, он обиженно складывал руки на груди, после чего принимался канючить:

— Ну давай, поиграй со мной, не ложись спать. Все равно никто не узнает. Давай поиграем еще немножко.

И мальчик постоянно вылезал из-под теплого одеяла, свешивал ноги с кровати и, спускаясь на пол, включался в игру.

Разумеется, Калекб понял, что Малыш Кобб живой, как только папа вытащил его из коробки. В тот миг он просто не мог поверить своему счастью. Девочке из его школы, курносой Глории Хейл, родители однажды подарили живую куклу по имени Сюзанна, и Калекб ей очень завидовал. Глории ее кукла быстро наскучила, и она отослала ее своей кухне в другой город. Калекб ее не понимал: он часто представлял себе, что и у него дома поселяется его собственный деревянный друг, воображал, как они играют вместе, гуляют, придумывают различные интересные штуки — как такое может наскучить?! Конечно же, он был уверен, что ему никогда не подарят ничего подобного, потому что у его родителей нет столько денег. Мама однажды сказала, что эти куклы очень редкие, очень дорогие и это

отнюдь не игрушки. Так что Калевб едва не умер от восторга, когда увидел Малыша Кобба. Он и представить себе не мог, чего папе стоило добыть такой подарок, и он боялся даже предположить, сколько он потратил на него денег. Мама, в свою очередь, была, конечно же, раздражена — наверное, этот Малыш Кобб стоил целое состояние.

Кажется, Малыш Кобб стеснялся маму и папу Калеба, и поэтому в их присутствии не подавал виду, что он живой. Но лишь стоило двери детской за папой закрыться, как он поднял голову, уставился на мальчика и спросил хриловатым, но при этом тоненьким голоском:

— Это моя новая комната?

Калевб сжал кулачки от восторга и кивнул.

— Ты будешь жить со мной! Будешь жить со мной! — От нахлынувших чувств мальчик попытался обнять своего нового друга, но Малыш Кобб отстранился.

— У меня правило — никаких объятий! И никаких... фу... тьфу... поцелуйчиков!

— Что? — окорбился Калевб. — Я что, какая-то девчонка? Нет у меня никаких поцелуйчиков!

— Глупые девчонки, — кивнул Малыш Кобб. — Глупые поцелуйчики.

— Хочешь посмотреть, как летает мой новый дирижабль? — предложил Калевб.

— Угу.

Мальчик несколько раз крутанул ключик, поставил дирижабль на ковер, и спустя мгновение тот взлетел. Красно-золотой аэростатик принялся кружить по комнате, жужжа и стрекоча. Малыш Кобб попытался отогнать его рукой. Его раздражало это мельтешение.

— Ничего особенного! — презрительно заявил он. — Глупая финтифлюха!

— А вот и нет! — обиженно сказал Калевб. — Он замечательный!

— Нет, он глупый. Вот я летал на настоящем дирижабле!

— Врешь! — воскликнул мальчик. Глаза его едва на лоб не полезли.

Дирижабли были страстью Калеба: он мечтал однажды стать капитаном летающего судна и улететь в дальние страны, чтобы пережить там невероятные приключения. Сам-то он никогда не летал на дирижабле, хотя часто видел их огромные дымные туши, лениво ползущие по небу, видел пришвартованный на площади Неми-Дрё «Воблиш», а однажды на крышу школы ненадолго приземлился небольшой почтовый дирижабль — так впечатлений хватило на неделю. Мама обещала, что, если он закончит этот год по всем предметам с отметками «Без нареканий», она купит для них троих билеты до парка Элмз. И Калевб, вылезая вон из кожи, добывал хорошие отметки, а еще очень переживал из-за плохих.

— Ничего я не вру! — Малыш Кобб тем временем подпер острый подбородок деревянной ладонью и лениво постучал длинными пальцами по скуле. — Я летал на настоящем дирижабле! Один раз. И хоть я сидел в чемодане, но видел все через замочную скважину. Там были красные ковры и багровые шторы, а еще полированные золоченые перильца и обтянутые кожей сиденья. И там подавали яйца всмятку. И ходили всякие служители в форме. Меня выпустили только один раз. В каюте. Но я ничего там не успел рассмотреть. Мне велели залезть в крошечный проем воздуховода и перебраться в соседнюю каюту. Там был этот мерзкий мистер Толстяк. Он спал и отвратительно храпел. Хотелось его задушить. Но мне запретили его душить, потому что могли остаться следы, и я просто обтер ему лицо вонючим мокрым платочком, который мне всучили. А потом я вернулся, и меня снова посадили в чемодан.

Калеба совершенно не впечатлила история о каком-то храпящем толстяке — его больше

интересовали дирижабли. А еще он понял, что жизнь Малыша Кобба была очень насыщенной и состояла из сплошных приключений. Мальчик стал допытываться, и Малыш Кобб сперва нехотя, а потом, увлекшись и сам, стал рассказывать о том, где он был, что видел, каких людей встречал. И хотя он очень редко покидал лавку игрушек, ему было о чем рассказать.

Многого Калев не понимал, как будто какой-то взрослый вдруг решил поболтать с ним, как со своим старым приятелем, на свои взрослые темы, и все же он слушал, раскрыв рот. Мальчик не замечал, что время уже перевалило за полночь, а камин почти погас, он просто слушал и боялся моргнуть, чтобы что-нибудь не прослушать. Поэтому он даже вздрогнул, когда рассказ Малыша Кобба неожиданно прервали:

— Пора спать, Калев! Гаси свет! — раздалось снизу.

Малыш Кобб со скрипом повернул голову и уставился на дверь детской. После чего снова повернулся к мальчику.

— Не слушай ее, — посоветовал он. — Взрослые — такие злые и строгие. Как будто ты умрешь, если сейчас не пойдешь и не ляжешь спать. Ты же не умрешь?

— Наверное, нет, — ответил Калев. — Вряд ли.

— Вот видишь. Что она понимает!

И он продолжил рассказывать...

Поначалу истории Малыша Кобба были захватывающими. Он рассказывал о жизни на задворках старого кабака и о прочих куклах, о том, какой он сам храбрец и интересная личность, и пусть это немного походило на хвастовство и совсем чуть-чуть — на бессовестное хвастовство, но Малыш Кобб был поистине чем-то совсем уж невероятным. Так, по крайней мере, казалось мальчику.

И все же постепенно Калев стал замечать, что в рассказе его нового деревянного друга появляется все больше мрачных и по-настоящему страшных деталей. То и дело он упоминал какого-то... Хозяина. В его историях там и сям проскальзывало красивое, отдающее грустными нотками имя «Сабрина», раз за разом всплывало то, как кому-то делают больно... Малыш Кобб словно открывал один за другим внутренние ящички своей кукольной души, вытаскивая из них на свет все более нелицеприятные подробности.

— Я люблю расхаживать повсюду голышом, — сообщил он. — И тогда Малыш Кобб становится Мистером Неглиже. А чинные костюмчики пусть поедаются молью в гардеробах. Не люблю свой костюм — вообще одежонку презираю.

По признанию самого Малыша Кобба, Хозяин издевался над ним — временами переодевал его в девичье платье, из-за чего он часами сидел в совершенно глупом и неподобающем виде, громко ругался и всех ненавидел. И тогда прочие куклы смеялись над бедолагой и унижали его. Еще за какую-нибудь провинность Хозяин мог, не усыпляя, разобрать его и разложить его части в разных углах мастерской, и он так и лежал дни напролет — нога в одном месте, рука еще где-то, голова бранится. И это было мучительно больно.

— У нас все строго, — подчеркнул Малыш Кобб. — Раздражаешь Хозяина — получаешь плеткой... Тебя били плеткой? Это очень неприятно.

А еще он рассказывал о каких-то жутких тварях, которые порой посещали Хозяина. Это были то ли черви, то ли спруты, сотканые из чернил.

— Да! И они носят людей как костюмы! Хотя, может, я это и выдумал. Не помню точно!

Слушая истории Малыша Кобба, Калев ощутил, как неподдельный страх окутывает его всего. Мальчик почти перестал дышать и шмыгать сопливым носом, а его сердце словно бы прекратило биться.

Малыш Кобб оказался если не подлинным злодеем, то как минимум фантазером с большой и очень темной фантазией. Он рассказывал, как ябедничал и крал, как подставлял «эту глупую дуру в зеленом платье», постоянно говорил, как он ненавидит Хозяина. Поделился «по секрету» тем, что больше всего ему нравится наблюдать, как Хозяин издевается над бедной Сабриной. В эти моменты, по его словам, он получал просто невиданное наслаждение, и, если бы мог, он с радостью подключился бы к пыткам.

Калев не замечал, что Малыш Кобб, смеясь и прибавляя к рассказу еще какую-нибудь отвратительную подробность из его богатой на мерзости жизни, играет его игрушками: взводит ключиком его миленький дирижаблик, крутит-вертит в руках деревянного солдата с нарисованными усами, срывает платице с крошечной балерины. И все время, что он рассказывал свои эти жуткие истории, он то и дело скреб грудь под рубашкой и жилеткой, словно там что-то очень сильно чесалось.

В какой-то момент Малыш Кобб пристально поглядел на Калеба, понял, что мальчик уже давно не шевелится, словно окоченевший покойник, и велел ему:

— Отомри.

И Калев действительно отмер. Ему очень хотелось позвать маму или папу, но он так и не смог ничего сказать или сделать — даже отползти прочь. Он просто глядел на эту куклу и все силился понять, как она вообще могла показаться ему хорошей. Огонь в камине почти погас, и тени поднялись до потолка, словно в комнате вмиг вырос черный лес. В коконе из этих теней Малыш Кобб явно чувствовал себя увереннее — он ведь, если верить его рассказам, всю свою жизнь провел в темных, мрачных местах: чемоданах, сундуках, чуланах, чердаках и подвалах. Он больше не выглядел угловатым и неловким — его движения стали плавными, даже скрип деревянных шарниров, вроде бы, перестал раздаваться. Лицо, которое прежде казалось Калебу очень задорным и забавным, теперь походило на искаженную в гримасе рожу, не имеющую с человеческим лицом ничего общего.

Малыш Кобб презрительно оглядел мальчика с головы до ног и сказал:

— Хозяин говорит, что дети — совершенно бессмысленные существа. Полные ничтожества.

— Нет, это не так! — испуганно ответил Калев. И хоть речь к нему вернулась, прозвучали его слова жалко и неуверенно.

— Неужели? — спросил Малыш Кобб. — И что же ты можешь?

— Ну, не знаю. Всякое...

Малыш Кобб, казалось, улыбнулся еще шире. Его голова была повернута таким образом, что лицо все утонуло в тени — из этой тени торчал лишь кончик его носа да проглядывали круглые глаза.

— Например? Высунь язык. Ты можешь показывать язык?

— А зачем?

— Когда тебе кто-то не нравится, ты показываешь ему язык. Высунь язык!

— Но...

— Я тебе нравлюсь, или нет?!

— Я н-не...

— Видно же, что не нравлюсь! Показывай язык! Немедленно!

И мальчик неуверенно показал кукле язык.

Мальш Кобб одним движением подскочил к нему и дернул его за язык, да так, что у него даже слезы потекли из глаз.

— Больше показывай! Еще больше!

— Я йеее маау... — Калев начал плакать. Мальш Кобб поглядел на него с отвращением.

— Не смей плакать! — прошипел он в самое лицо мальчика. — Иначе хуже будет!

Мальш Кобб отпустил Калеба и снова уселся на ковер. Ткнул в него пальцем и рассмеялся:

— Плачут только грязные плаксы. Плаксы-ваксы.

Калев весь сжался и вытер рукавом пижамы слезы. Мальш Кобб по-настоящему его пугал — даже сильнее, чем Тревор и Хоули, задиры в школе. Кукла яростно зашкрябала собственную грудь, после чего сложила длинные пальцы домиком. Калев только и мог, что смотреть на ее руки — они были словно специально предназначены, чтобы душить. И не важно, детскую шею, или же взрослую, шею котенка, или же собачонки.

— Что еще ты умеешь? — тем временем спросил Мальш Кобб.

— Я... я не знаю.

— Скажи, ты умеешь прятаться в чемодан?

— А зачем мне прятаться в чемодан?

— Всякий должен уметь прятаться в чемодан! — авторитетно заявил Мальш Кобб. — Так Хозяин говорит! Чтобы было удобно носить с собой по городу или брать в поездку!

— Я не знаю, я не пробовал...

— У тебя есть чемодан? Принеси чемодан!

За чемоданом пришлось идти на чердак. А еще пришлось делать это незаметно и тихо. Кукла велела мальчику солгать, если он попадетсЯ родителям. Мальш Кобб не боялся, что Калев пожалуется на него. Он угрожал, что, если тот не вернется в самое ближайшее время с чемоданом, он сломает и изуродует все его игрушки.

И Калев ему поверил — он выполнил все в точности, как и было велено. Осторожно приоткрыл дверь детской. На цыпочках вышел в коридор...

Снизу, из гостиной, раздавались какие-то жуткие звуки. Почти сразу мальчик понял, что родители слушают передачу по радиофору. Ему невероятно захотелось побежать туда, рассказать им про Мальша Кобба, но он вдруг ясно представил, как сильные деревянные пальцы ломают все его игрушки, и это наполнило его душу таким глубоким чувством потери, что он не рискнул послушаться своего нового... друга. Он поднялся по узенькой лесенке в тупике коридора на чердак и нашел там пыльный и затянутый паутиной темно-зеленый чемодан.

Вернувшись с ним в комнату, он обнаружил, что Мальш Кобб лежит на ковре, нелепо раскинув ручонки в стороны. На мгновение мальчик понадеялся, что он сломался. И кажется, так и было...

— Я заболел, — прохрипел Мальш Кобб, не поворачивая головы. — Мне так плохо!

— Ты врешь! — ответил на это Калев.

Кукла судорожно дернула ручонками, но так и не поднялась. Мальчик поверил — выглядел его комнатный злодей действительно очень жалко.

— Это потому что я плохо себя вел... — проканючила кукла. — Хозяин говорил, что я заболею, если буду плохо себя вести... Помоги мне... Я больше не буду себя плохо вести... Помоги мне подняться.

Мальчик осторожно двинулся к Малышу Коббу, опасаясь, что тот в любой момент может вскочить и схватить его, к примеру, за нос. Но тот продолжал валяться, как куча тряпья.

— Я же пошутил... — проныла кукла. — Просто пошутил... Помоги мне... Помоги мне подняться.

Калев пожалел Малыша Кобба — столько неподдельного страдания было в его голосе. Но стоило мальчику подойти и склониться над куклой, как та дернулась. Калев успел отшатнуться в последнее мгновение — длинные пальцы Малыша Кобба клацнули, схватив за горло пустоту. Кукла оторвала спину от пола и с удобством уселась, уперев руки в ковер.

— Попался! Попался! Попался! — мерзко захихикал Малыш Кобб. — Глупый мальчишка! Я просто прикидывался! На случай, если ты, дурачина, приведешь своих глупых родителей. Они бы увидели обычную деревянную игрушку на полу и не поверили бы тебе. А когда ты все-таки пришел один, я решил подшутить... ха-ха-ха... я такой остроумный!

Калев почувствовал, как слезы подбираются к глазам.

— Открывай! — велел Малыш Кобб,

Мальчик положил чемодан на бок, немного повозился с защелками и откинул крышку. Малыш Кобб вытянул свою тонкую шею.

— Что тут у нас? Любопытненько!

В чемодане хранились старые, милые сердцу мамы и папы, вещи — их любовные письма и прочие предметы, цена которых измеряется бессонными ночами, пролитыми слезами и часами ожидания. Это был чемодан, полный потаенных надежд, полузабытых страстей и прочих взрослых штук, которые Калев пока что не понимал.

Малыш Кобб схватил одно из писем и принялся его громко читать, после чего, презрительно рассмеявшись, порвал вместе с конвертом на мелкие кусочки:

— Что за бездарность! Что за нелепость! Фу! Фу! — Он порвал еще несколько писем, после чего повернулся к Калебу и велел ему: — Доставай! Все доставай!

Калев принялся аккуратненько вытаскивать связки писем и прочие вещи, что там хранились, чтобы они не помялись и не испортились, но Малыш Кобб был нетерпеливой куклой — он взвизгнул:

— Быстрее! Быстрее, я сказал!

После чего принялся сам вышвыривать предметы из чемодана один за другим и, когда тот опустел, велел мальчику забираться внутрь. Калев, перепуганный и оттого совершенно безвольный, покорно влез в чемодан.

— А теперь подгибай ноги! Сгибайся! Сгибайся сильнее!

Но Калев никак не мог уместиться в чемодан — что бы ни делал, как бы ни сгибался, как бы ни ворочался. А Малыш Кобб был недоволен, он стучал ногами по полу, пинал чемодан и все твердил:

— Сгибайся! Всякий должен уметь прятаться в чемодан!

Но у мальчика ничего не выходило. Шея Калеба, его руки и ноги невероятно болели. Он несколько раз получил крышкой чемодана по спине, но результат был все тем же. В какой-то момент кукла, видимо, поняла, что из этого ничего не выйдет, и велела:

— Вылазь! Вылазь, ты, жалкое ничтожество! Не зря Хозяин говорил, что дети — бессмысленные существа!

Когда заплаканный Калев вылез наружу, кукла напомнила ему про грязных плакс, но отчаянного хныканья это не остановило. Мальчик шморгал носом и вытирал всё

прибывающие слезы рукавом пижамы.

— Ты плохой, — проныл Калев. — Я думал, ты хороший, а ты плохой! Ты порвал мамины письма и дернул меня за язык. Очень больно! И в чемодан заставил залезать! Я думал, ты будешь моим другом, и мы будем все время вместе. Думал, мы будем играть...

Мальш Кобб поморщился.

— Ну, ладно-ладно, не плачь, — едва сдерживая отвращение, проговорил он. — Давай играть.

Калев поднял на него мокрые глаза.

— А ты будешь хорошо себя вести? Обещаешь?

— У меня правило — никаких обещаний! — важно заявила кукла.

— Пообещай! — потребовал мальчик.

— Ну, ла-а-адно, — протянул Мальш Кобб. — Обеща-а-аю. Буду хорошо себя вести. Давай уже играть.

Но, разумеется, Мальш Кобб соврал. Он ни на мгновение не думал хорошо себя вести. А быть может, просто знал, как это.

— Нам нужно понять, что ты умеешь! — заявил он. — Хозяин говорит, что детям самое место на свалке, и они ничего не умеют, потому что все они — полные ничтожества.

— Ты обещал! — напомнил ему Калев, но Мальш Кобб поднял руку — мол, подожди, это еще не все.

— Хозяин — дурак, — сказал он и вдруг огляделся по сторонам, бросил испуганный взгляд на зашторенное окно и в страхе вжал голову в плечи. — Что он может знать! Ты вот не такой уж и ничтожный. Тебе только надо немного научиться. И тогда ты перестанешь быть бессмысленным.

— Научиться? — удивился Калев.

— Ну да. — Кукла усмехнулась. — Так что давай тебя обучим хорошим манерам! Согласен?

Мальш Кобб не стал дожидаться ответа и принялся руководить ребенком: он заставлял его делать сперва одно, затем другое, после третье, но всякий раз он был недоволен — прямо как строгий учитель. Он требовал, чтобы Калев кувыркался и шалил, учил его показывать плохие жесты, велел ему браниться — да так, что мальчик не понимал практически ни одного слова из тех, что был вынужден повторять. Мальш Кобб его шпынял, больно тыкал острыми пальцами, один раз даже отвесил пощечину. И в какой-то момент Калев почувствовал, что с некоторых пор вовсе не Мальш Кобб его игрушка, а что он сам — игрушка Мальша Кобба.

Он хотел позвать папу, хотел позвать маму, но не отваживался вызвать гнев куклы.

«Вот бы они зашли, просто зашли в комнату!» — думал он с надеждой, но они будто ничего не слышали. А еще Калев очень боялся. Уже не только Мальша Кобба, но и того, что ему не поверят.

В какой-то момент он не выдержал и уже собрался было броситься к двери, убежать отсюда, позвать на помощь, но кукла, предвосхитив все это, сказала ему:

— Посмотри, какой бедлам ты устроил в комнате! Твои мамочка и папочка ни за что не поверят, что это сделал я! Они решат, что это ты здесь все разворотил, порвал их слезовыжимательные любовные письма! Они услышат, как ты грязно бранишься, увидят, что ты показываешь плохие жесты, и побьют тебя. А когда ты скажешь, что это был не ты, никто не станет слушать, потому что я — просто кукла — что с меня взять? Очень глупо сваливать

все на игрушку, на маленького деревянного человечка, сидящего в углу. И знаешь, что тогда будет? — и, не дожидаясь ответа, Малыш Кобб продолжил: — Тебя отдадут в психушку! Так и знай! А это ж-у-у-у-ткое место! Хозяин оттуда сбежал. Он говорит, что туда попадают только самые отъявленные безумцы. И их мучают, их держат в смиренных рубашках, ну, знаешь, у которых рукава завязываются за спиной, и эти несчастные не могут даже пошевелиться! Еще им засовывают в рот кляп, бьют их палками и не кормят. И никогда-никогда и ни за что не дают им сладости! А их мамочки и папочки не жалеют их! Знаешь, что они делают?

— Что? — едва слышно спросил запуганный всеми этими ужасами Калев.

— Они заводят себе новых детей! Которые лучше! Не такие безумные! Не такие вруны! Они быстренько забывают о таких, как ты! — Малыш Кобб на мгновение замолчал, а затем поспешно добавил: — Ну, так Хозяин рассказывал, конечно.

Кукла говорила убедительно, и Калев поверил всем ее словам. Он так и представил, как родители запирают его в комнате, вызывают страшного доктора, и доктор натягивает на него рубашку, завязывает рукава за спиной. Мама стоит, заплаканная, опустив голову, и прижимает к лицу платок. А папа понуро устремил взгляд в пол, и весь их вид выказывает разочарование в нем, завравшемся, не оправдавшем их надежд сумасшедшем сыне. А затем его засовывают в темный ржавый фургон с решетчатыми окошками и везут в ужасное место, так подробно описанное Малышом Коббом.

Разумеется, он больше не думал о том, чтобы звать маму или папу.

В какой-то момент Малыша Кобба, видимо, утомило сморщенное лицо этого плаксы. Он велел мальчику показать все его игрушки, и Калев, неслышно хныча, потащил из-под кровати сундук, откинул крышку.

Малыш Кобб оттолкнул его в сторону и принялся проводить смотр. И солдаты, и офицеры, и плюшевые медведи — каждую игрушку он критиковал, говорил, какая она ужасная и уродливая, находил в каждой какие-то изъяны, и так игрушка за игрушкой маленький мир Калеба разрушался. А Малыш Кобб тем временем продолжал отбраковывать и расшвыривать содержимое сундука по всей комнате. Похвалил он лишь старую дедушкину двууголку, которую Калев надевал всякий раз, когда играл солдатиками, представляя себя их генералом. Вытащив шляпу из сундука, Малыш Кобб возопил: «Прямо как у Хозяина!» — после чего аккуратно положил ее на ковер и вернулся к критике и унижениям таких любимых, таких дорогих для Калеба вещей.

Когда с игрушками было покончено, и сундук оказался пуст, произошло нечто совсем уж жуткое и невообразимое. Сперва Калев решил, что это очередная гнусная игра Малыша Кобба, и для куклы, вероятно, так оно и было. Малыш Кобб поманил его к себе и, когда Калев нехотя подошел, принялся ощупывать его лицо своими жесткими деревянными пальцами. Мальчику было больно, но он не мог вырваться. А еще Калебу было отчаянно стыдно и неловко, что его так разглядывают. Ему показалось, будто он сам — всего лишь очередной солдатик или плюшевый медведь, которого Малыш Кобб осматривает в поисках недостатков. Он ожидал, что злобная кукла рассмеется и скажет, что у него или кривой нос, или глаза глупой формы, или рот как у лягушки. Но, тем не менее, Малыш Кобб никак не комментировал его внешность и мнимые недостатки, а вместо этого подозрительно удовлетворенно хмыкал.

Проведя подробный осмотр лица Калеба, Малыш Кобб вдруг сказал:

— Расстегни-ка пуговички на моей жилетке.

Это было произнесено таким жутким голосом, что Калев в руках куклы задрожал. Он вдруг понял, что Малыш Кобб вот-вот сделает что-то ужасное. Это отчетливо читалось по его гримасе при том, что она, разумеется, никак не изменилась.

— У меня, вообще-то, правило — не повторять, но я тебе снова говорю: расстегни-ка пуговички на моей жилетке.

— Зачем? — только и выдавил мальчик.

— Быстро! — велел Малыш Кобб, сдавив плечи Калеба своими грубыми пальцами так сильно, что тот даже вскрикнул. — Или хуже будет.

Мальчик расстегнул.

— А теперь на рубашке расстегни.

И Калев снова последовал приказу.

В деревянной груди Малыша Кобба была проделана дверка. Крошечная квадратная дверка, запертая на крючок.

— А теперь откинь крючок в сторону! — велел Малыш Кобб, и мальчик сделал и это. После чего Малыш Кобб оттолкнул его прочь от себя, засунул руку в чернеющее отверстие в собственной деревянной груди и, покопавшись там, извлек наружу большой кухонный нож.

— Никакая это не отвалившаяся деталь! — со смехом сказал он. — А всего лишь то, что мой Хозяин положил внутрь меня! Здесь есть еще кое-что. Но это на потом! Да, на потом! У меня слишком длинные пальцы: ими удобно душить, но я не могу сам расстегнуть крохотные пуговички. Это очередное издевательство Хозяина. Но ты сделал все за меня! Благодарю тебя!

Калев потрясенно зажал рот руками.

— Зачем тебе это? — глухо выговорил он. От нахлынувшего ужаса слезы мгновенно высохли, на лице остались лишь блестящие скользкие следы.

— Мой нож? А зачем нужны ножи? Чтобы резать, конечно! Хм... Он острый, очень острый! Не веришь?

В доказательство своих слов Малыш Кобб взял одного из плюшевых мишек, валявшихся на ковре, и одним быстрым движением отрезал ему голову.

Калев не успел никак отреагировать на это, поскольку Малыш Кобб тут же схватил его за ворот пижамной рубахи, притянул к себе. Их лица оказались совсем близко — напротив глаз мальчика оказались холодные мертвые глаза куклы.

— Отдай мне свое лицо, — прошептал Малыш Кобб дрожащим от предвкушения голосом.

Ледяное лезвие прикоснулось к щеке Калеба, и кукла усмехнулась:

— Отдай мне свое лицо, маленький мальчик, и я надену его, будто маску. После чего я превращусь в тебя. Я заберу себе сперва эту твою хнычущую рожицу, затем заберу твою комнату, а следом и твою жизнь. Я стану настоящим мальчиком, вот ведь номер! Я возьму твои игрушки — они такие грустные, несчастные — до чего ты их довел! Я нарисую им улыбки, чтобы они не выглядели такими жалкими, а затем мы устроим небольшое представление. Как в театре. И знаешь, что будет после?! Погаснет свет, и кукольное шоу уродцев даст первый спектакль для своего первого маленького зрителя. Это будет кое-что совершенно новое — то, что не показывали тебе твои глупые родители, то, от чего они тебя якобы берегли. Я покажу тебе боль и страдания. Ты не сможешь закрыть глаза, потому что у тебя больше не будет век, ты будешь неотрывно смотреть мое представление со своего самого лучшего, почетного места. И ни о чем не жале! Тебе понравится, я уверен!

Мальш Кобб разжал перепуганному ребенку рот и зачихнул туда отрезанную голову плюшевого мишки.

— Я вырежу твое лицо, словно картину из рамы. Мой нож, как вертихвостка из кабаре, уже просится станцевать по его контуру. Ты хотел играть? Как тебе такая игра? Что, дружок, не ожидал такого?! Ты наивно думал, что твой глупый папочка купил тебе что-то необычное, что-то особенное в «Лавке игрушек мистера Гудвина»?! Что ж, ты был прав. Я не какая-то там банальность. Я! Нечто! Особенное!

Сказав это, кукла принялась хохотать, и в тот же миг Калев почувствовал дикую, неописуемую боль — это нож вспорол его тонкую кожу. Кукла принялась кромсать его и резать. Он пытался кричать, но не мог: лишь глухое мычание вырывалось из-за такого странного и нелепого кляпа в виде головы плюшевого медведя у него во рту. С каждой секундой боль становилась все ужаснее и ужаснее, а кукла продолжала, дико хохоча, свежевать мальчика.

Из-за невыносимой боли Калев перестал что-либо различать. Его тело по инерции еще дергалось, но тварь крепко держала его, не останавливая своей жуткой работы. Где-то на самом краю сознания мальчик видел клочки своей комнаты. Кровать с отвернутым в сторону одеялом. Камин — в нем за кованой решеткой тлеют угли. Штора на окне — на улице бушует туманный шквал. Лицо куклы... жуткое, отвратительное лицо куклы так близко...

Это все не могло быть взаправду. Это все просто ему снилось.

Все это просто жуткий кошмар, и он вот-вот проснется... ведь иначе он уже должен был умереть от того, что с ним творили.

Это все — сущий кошмар... и он вот-вот проснется... проснется...

Красные угли в камине стынут и чернеют, комната погружается во тьму, кошмар, как и любой сон, заканчивается. И все ужасы остаются в прошлом, и все снова хорошо и... гаснет свет.

Часть вторая. Колыбельная

— Ты слышал? — спросила Марго, глядя в потолок.

Вместе с Джонатаном они сидели в гостиной. Негромко звучало радио. Полуночная аудиодрама, транслируемая из Старого центра, вещала о некоторых подозрительных делах, о таинственных встречах и запутанной интриге, которая привела к тому, что убийца в черном плаще и цилиндре стоял у дома своей будущей жертвы, прятался под карнизом от проливного дождя и выжидал момент.

Джонатан устроился в своем кресле с газетой, смешивая скучные городские новости и зловещие нотки истории, пробивающиеся через шум помех. Марго вязала новую шапку Калебу в школу и всякий раз вздрагивала, стоило кому-то из персонажей радио-спектакля закричать, неожиданно распахнуть дверь или взвести курок. Она не могла понять Джонатана, которого совершенно не пугала вся эта жуть, и, в то время как он «следил лишь за развитием сюжета», она, затаив дыхание, ловила каждый звук, каждый скрип или приглушенный вдох. И когда посреди ночи в двери дома, вокруг которого крутилось действие «Таинственного Убийства», раздался тяжелый стук кулака убийцы, она даже прекратила вязать, замерев и боясь выдохнуть.

Марго уставилась в темнеющие недра медного рога радиофора. «Что же будет дальше? Что же сейчас произойдет?!» Из-за напряжения и тревожного ожидания она вдруг ощутила себя саму нитью, которую кто-то собрался поддеть спицей...

И именно в этот момент, посреди нервно затянутой паузы, наверху что-то стукнуло.

Марго вздрогнула и уставилась в потолок — кажется, звук раздался из комнаты Калеба.

— Ты слышал?

Джонатан отвернул уголок газеты и недоуменно поглядел на нее. Марго уточнила:

— Наверху что-то творится...

Джонатан сделал вид, что прислушался, а Марго вдруг отметила, как похолодела ее спина. В том, что она услышала, не было ничего особо странного или жуткого — ничего из того, что как раз звучало из радиофора, но что-то все же испугало ее. Марго не могла точно объяснить, что именно, не могла подобрать нужные слова.

— Я ничего не слышу. — Джонатан по-своему прочитал страх Марго и попытался успокоить ее: — Не бойся, милая, это всего лишь выдуманная история — это все не настоящему.

Посчитав, что потрудился на славу, он вновь уткнулся в свою газету.

Марго снова взялась за спицы, но ее сердце больше не было на месте, а происходящее по радио лишь жутким аккомпанементом подыгрывало и усугубляло ее волнение. Спицы звенели, странички газеты шуршали, а убийца был уже в доме. Он брел по коридору, скрипя половицами, и с каждым шагом все приближался к двери спальни несчастной жертвы... Совсем ничего не было сказано о судьбе несчастного дворецкого, встретившего его у дверей кухни. Действие оборвалось на словах: *«Верный слуга увидел, как показавшаяся ему странной тень приобретает форму высокого человека в плаще и цилиндре. Его глаза расширились, а рот раскрылся и...»*. После чего было уже: *«Покинув кухню, убийца двинулся к комнате для слуг, где, как он знал, спала кухарка, жена дворецкого. Он не желал оставлять свидетелей...»*.

И вот, когда скрипнула вымышленная дверь комнаты вымышленных слуг, а едва

слышные шаги и шорох одежд выдали то, что убийца приблизился к кровати, на которой негромко сопела кухарка, шум сверху повторился. Только теперь он стал более назойливым. И среди воплей, профессионально и реалистично записанных актрисой-«жертвой», Марго различила топот по потолку.

Марго Мортон больше не замечала скитаний убийцы по черному дому. Ее интересовало уже совершенно другое, и, судя по всему, хмурилась она так сильно, что Джонатан почувствовал это, поднял от газеты глаза и поглядел на нее с улыбкой.

— Он просто играет. У него сегодня день рождения. Не будь, как...

— Даже не думай договаривать! — прервала его Марго. Было очевидно, что Джонатан собирался сказать: «Не будь, как Джеральдин», — прекрасно зная, как сильно раздражает Марго, когда кто-то сравнивает ее с сестрой.

Джонатан пожал плечами и снова скрылся за газетой.

Марго вернулась к вязанию, но ее движения стали резкими, нервными. Она теперь вслушивалась только в происходящее наверху — и в какой-то момент действительно услышала. В детской захлопнули крышку сундука. А параллельно звучал скрип петель двери несчастной жертвы, когда убийца медленно ее открыл, и все это было так жутко... так жутко, что Марго больше не смогла спокойно сидеть на месте. Она отложила вязание, поднялась с кресла и сказала:

— Он завтра будет как лунатик. Если его не уложить, он может проиграть так до самого утра.

— Как знаешь, — ответил Джонатан и добавил с многозначительной улыбкой: — Но то, что в детстве из обоих своих родителей меньше я любил именно маму, должно тебе о чем-то сказать.

Марго, нахмурившись, двинулась к лестнице. Она не была строгой женщиной — скорее, она была *в меру* строгой женщиной, а в сравнении с Джеральдин, так и вовсе была очень даже доброй и мягкой. Джеральдин считала, что Марго и Джонатан слишком балуют Калеба, и однажды из него вырастет бродяга или, что хуже, какой-нибудь актер или продавец рыбы (рыбу и все с ней связанное она просто ненавидела). Марго не сильно полагалась на мнение сестры, поскольку Джеральдин была из тех матерей, кто за малейшую провинность сажает детей в чулан, бьет их по пальцам или по спине и использует едва ли не в качестве домашних слуг. И сегодня она уж точно не думала отправлять сына спать, лишив его возможности поиграть со своими новыми игрушками, но что-то внутри ныло и подталкивало ее: «Тебе стоит пойти. Вот прямо сейчас... Иди...».

И вот она поднимается по лестнице, а ощущение тревоги и опасности крепнет в ней с каждой пройденной в сторону комнаты Калеба ступенькой.

— Когда будешь возвращаться, заведи, пожалуйста, варитель, если тебе не сложно! — раздался голос Джонатана. — Что может быть лучше к убийству, чем горячий чай!

Марго не ответила.

На лестнице странные звуки из детской стали слышнее. Как будто там кто-то ходил, мерил комнату тяжелыми шагами. То были отнюдь не шаги Калеба — Марго поняла это сразу же. А еще она услышала голос. Голос, определенно не принадлежавший ее сыну.

— Джонатан! — шепотом позвала Марго, но тот ее не слышал. Радио-спектакль подходил к своей кульминации: вопли, крики, гром, вой ветра и револьверные выстрелы...

Испуганная Марго заглянула в чулан на лестничной площадке и взяла в руки метлу. Поднявшись на второй этаж и подойдя к двери детской, она услышала из-за нее хрипкое

бормотание и отвечающий ему тоненький писк, имитирующий женский голос, как будто Кaleb и в самом деле всего лишь играл со своими игрушками, придумывал им роли, озвучивал их реплики на разный манер, устраивал им те или иные приключения. Из всего невнятного сумбура, что полз из комнаты, она смогла разобрать лишь:

— Как тебе наше представление, мой первый маленький зритель?

Марго испуганно прикусила губу, бросила взгляд в сторону лестницы — подумала позвать Джонатана, но так и не решилась. Вместо этого она крепче сжала метлу, повернула дверную ручку и вошла в комнату.

— Кaleb? — негромко позвала Марго. — Что ты делаешь?

Кaleb даже не повернул головы, когда она вошла. Никак не отреагировал, словно и вовсе не услышал ее слов. Он сидел на ковре к ней спиной и передвигал туда-сюда перед собой — она пригляделась — вроде бы, игрушечный паровозик. На Калебе была его пижама, но при этом он напялил на голову старую двууголку отца Джонатана, которую Марго давно порывалась выкинуть — ее сильно погрызла моль и от нее пахло греmlinской отравой.

Марго испуганно оглядела комнату. Здесь сейчас тяжело было что-либо различить, и никого, кроме играющего на ковре сына, она не увидела. Тем не менее, чувство тревоги никуда не уходило, и его подкрепила мрачная мысль: «Почему он не оборачивается?».

— Кaleb Мортон, — сказала Марго. — Хватит игр на сегодня. Пора спать.

На что мальчик мелко затрясся и едва слышно захихикал.

В комнате стоял такой бардак, словно здесь прогулялась армия мелких длинноносых гремлинов. Игрушки Калеба валялись по всей комнате. Очертания их были и тут, и там — они напоминали кривобокие сорняки на клумбе слепого садовника. Прямо под ее ногами лежал медведь Броуди. На самом деле Броуди было трудно опознать — голова его отсутствовала, а из дырки наружу лез белесый пух. Кто-то жестоко расправился с несчастным Броуди.

Марго подняла взгляд на фигурку в пижаме. Когда-то Кaleb обожал Броуди, был с ним неразлучен.

— Говорю тебе, пора прятать игрушки. — Марго добавила в голос немного строгости. — Пора отправляться спать, дружок. И даже не думай со мной спорить. Завтра будет целый день для игр — вряд ли туманный шквал уже закончится. Я позволю тебе немного поиграть даже перед завтраком. Честно. А сейчас снимай эту свою шляпу и отправляйся в кровать.

— Зачем тебе метла, мамочка? — тихо спросил Кaleb, не поворачивая головы. — Ты решила поубирать немного?

Этот голос заставил ее оцепенеть. Вкрадчивый, пробирающийся под кожу...

Марго снова оглядела комнату — проверила остывший камин, затянутое шторой окно.

— Мне просто показалось, что ты здесь не один, — сказала она. — Решила, кто-то залез в дом. Я слышала... звуки, шум... Они меня испугали.

— Как будто целый миллион птиц забрался ко мне под кровать и принялся трепетать там своими крыльями? И ты собралась вымести их метлой из-под кровати? Но это же так глупо!

Марго покачала головой и прищурилась — фигура ее сына была едва различима — и это при том, что она стояла от него всего в нескольких шагах.

— Почему ты вообще сидишь в темноте?

Калеб на это едва слышно забубнил себе под нос — быстро-быстро, так, что Марго почти ничего не могла разобрать:

— В темноте? Хм... В темноте! Просто глупая мамочка не понимает, что свет был погашен намеренно — чтобы сменить декорации на сцене. Как во время спектакля в театре! Она не надела свои очки, и не видит, что ее маленький дружок... хм... маленький дружок — не какой-то там бессмысленный ничтожный ребенок, а настоящий кукловод... мастер-кукловод этой жестокой кровавой ми... ми... мистерии...

Из всего невнятного бормотания Марго услышала лишь последнее слово.

— Где ты услышал это слово, Калеб? — недоуменно спросила она.

— Какое такое слово?

— Мистерия.

— Это папочка сказал.

— Ясно...

— А еще папочка говорит много плохих слов, когда ты не слышишь, — принялся ябедничать мальчик. — Мерзавец, падаль, висельник, ублюдок, дурачина...

— Достаточно!

Марго, будто нелепая восковая фигура, застыла не в силах пошевелиться, сжимая метлу и глядя в спину сына. А тот продолжал водить паровозиком по ковру и все бубнил и бубнил:

— Что у нас тут? Поглядим! Странная женщина стоит в дверях. Она вся из себя такая изумленная и пораженная! Глазоокругленная, ротораспахнувшая и дрожащая-преддрожащая к тому же. Мне это не нравится! Хватит! С меня хватит! Это меня так раздражает!

Марго молчала — она никак не могла взять в толк, что происходит. Здесь творилось что-то ужасное и неправильное, но... что именно? Ее сердце бешено колотилось.

— Для тебя было бы лучше, мамочка, — мальчик продолжал — теперь он говорил четко и внятно — его голос был злым и колючим, — не переступать без спроса этот порог. — Сказав это, он завизжал и захихикал. — И пусть на мне глупая пижама, это еще не значит, что я какой-то рохля — никто мне не указ! Не нужно мне угрожать, приказывать, заставлять идти в кровать! Было большой ошибкой заявиться сюда, встать там и пытаться прервать мою игру! Не слишком удачный момент, понимаешь ли, для появления родителей, ведь я так близок к моей заслуженной славе великого постановщика грандиозных спектаклей. И прежде, чем заходить в мою комнату, мамочка, тебе стоило бы купить билетик! Ведь это — театр! А в каждый театр вход... — он на секунду замолк, после чего взвизгнул: — Только по билету! Только по билету!

Мальчик рассмеялся и кивнул на кукол, стоящих перед ним на ковре.

— Погляди, мамочка, — прошептал он. — Ты видишь этих куколок? Знаешь, что их ждет? Я принес этим куклам... войну.

Свет плавно зажегся, и Марго поняла, что в руках у Калеба керосиновая лампа. Фитиль загорелся ярче, и она увидела то, что расположилось на полу у окна. Старые добрые и такие знакомые игрушки ее сына были выстроены в боевые порядки. Пушки, крошечные дредноуты, миниатюрные шагающие механизмы. Дирижабль готовился к взлету. Солдатики стояли со вскинутыми саблями, плюшевые медведи все были поставлены под ружье — они словно ожидали приказа.

— Так пусть же деревянные мечи опускаются! — взвизгнул маленький генерал в двууголке и пижаме. — Пусть игрушечные ружья стреляют! И тогда они все встретятся со своей смертью! Один за другим! Падут на поле брани, раненые, со вспоротыми животами и с

пронзенными сердцами! И пусть кровавая краска течет и брызжет! Только так можно сделать настоящее шоу! Я натяну нити марионеток, чтобы им стало мучительно больно. Я повешу на этих нитях всех дезертиров! Я желаю видеть страдания, преследования маньяков, горящие письма и предательство, любовь и смерть! Жажду убийств, чудесных избавлений и совсем немного... немного мелодрамы... Ты ведь знаешь, что такое мелодрама, мамочка?!

Марго знала, что такое мелодрама, а еще она знала, что ее сыну просто неоткуда знать этого. Она с ужасом глядела на сидевшую к ней спиной маленькую фигурку, которая игралась с керосиновой лампой — крутила колесико фитиля, то погружая комнату в кромешную темноту, то ярко ее освещая. Марго давно поняла, что это не ее сын, и только сейчас смогла хоть что-то выдавить из себя. Голос ее дрожал, слова застревали где-то на полпути, но она все же проговорила:

— Кто ты такой? Кто ты, маленький монстр?

— Кто я такой? — последовал удивленный ответ. — Ты что ослепла? Это же я! Твой маленький сыночек! Твой малыш, твой дружок! Кто же здесь еще может быть, в этой милой, прелестной комнатке? С этим лицом?!

Сидящая на ковре тварь вдруг резко дернула головой и повернулась к ней. Марго предстало настолько ужасающее зрелище, что она выронила метлу, непроизвольно вскинув руки ко рту в попытке сдержать крик.

У твари было лицо ее сына! В буквальном смысле! Лицо ее сына было, словно наволочка на подушку, натянуто на чужую, уродливую рожу!

— Что такое, мамочка? Я тебе не нравлюсь? Сегодня я тебе не нравлюсь из-за того, что я себя так плохо вел?

— Т-твое лицо, — произнесла Марго, предчувствуя собственный скорый обморок. — Твое лицо...

— Да, мое новое лицо... — тварь склонила голову, — я немного заболел! На мне просто лица нет! Хотя... — монстр усмехнулся, — ты знаешь, мамочка, на самом деле как раз таки есть.

Края кожи неровно топорщились, с подбородка на воротник пижамной рубашки капала кровь. Там, где было левое ухо, лицо сморщилось жуткими складками, а веки жутко напозлали на глаза, отчего тварь, напялившая лицо словно маску, казалось, прищуривается и подглядывает. И в этот миг к горлу Марго подступил ком от посетившего ее осознания. Она поняла, что ее сын, ее маленький Калев, мертв. Что его больше нет. Ужас заполонил ее мысли. Ее горло перехватило и свело судорогой, ей вдруг почудилось, как из него что-то полезло. Что-то мерзкое, склизкое и зловонное. Ей показалось, что кто-то заставил ее проглотить острый крючок на бечевке, что крючок этот зацепился за что-то внутри, и его потянули наружу. Все ее естество при этом потянулось следом за ним, выворачиваемое наизнанку... Она отказывалась верить. Где-то на дне ее души кто-то крепко сжимал рубильник, пока что не позволяющий затопить ее всю горем, и этот кто-то отчаянно, непримиримо вопил во тьму: «Нет!». Он восставал против мысли, что ее ребенок убит.

— Что не так, мамочка? — прохрипела тем временем тварь, после чего поднялась на ноги и пошлагала к Марго неровной, угловатой походкой. — Неужели я не похож на мальчика с фотографии на каминной полке?

И тогда она увидела вылезающие из рукавов пижамы, как пауки из нор, длинные суставчатые пальцы, вырезанные из дерева, увидела деревянные ступни, топающие по ковру. Шарниры скрипели, большая голова на тонкой шее дергалась с каждым шагом.

С ужасом Марго узнала это существо. Это была та самая кукла! Малыш Кобб, которого ее муж принес их сыну в подарок на день рождения. Живая колченогая кукла...

Малыш Кобб подошел к Марго и поглядел на нее снизу вверх выжидающе.

— Как ты можешь не узнавать меня? — Когда он говорил, лицо Калеба дрожало и жутко шевелилось. — Это же я... Я всегда здесь жил. С тех самых пор, как однажды вылез из тебя наружу!

— Нет, — прохрипела она — голос будто украли. — Ты не мой сын.

И тут Марго увидела, что в руке у куклы что-то зажато. С еще большим ужасом она поняла, что это револьвер. Не какая-то глупая игрушка, а самое настоящее оружие. Откуда оно взялось в комнате ее сына?!

— Тебе нужно следить за своими словами, мамочка. — Малыш Кобб принялся откровенно угрожать: — Если ты будешь мешать моим играм, я подниму этот большой блестящий револьвер, направлю его тебе в голову и выстрелю! Один, два, три, четыре, пять, шесть, восемь, двенадцать! Я плохо считаю, но стреляю я намного лучше.

— Я никуда не уйду! — сжав зубы, процедила Марго. — И даже если ты меня застрелишь, выстрелишь мне прямо в голову, в сердце или куда-то еще, я никуда не уйду.

— Упрямая какая! Хочешь собственными глазами увидеть мой спектакль?

И тут Марго вспомнила слова, услышанные ею из-за двери. У нее в голове промелькнула мысль, что «первый маленький зритель» — это и есть ее Калеб, и что он по-прежнему где-то здесь, спрятан в комнате! Ведь если кукла хочет, чтобы он наблюдал за спектаклем, о котором она постоянно талдычит, то он рядом, и он... жив!

Марго прислушалась — не раздастся ли откуда-нибудь приглушенный стон ее ребенка. Она хотела позвать Джонатана, но кричать не осмеливалась — вдруг кукла выстрелит? — а покинуть детскую сейчас она бы ни за что не решилась: кто мог знать, что в таком случае произойдет с Калебом. Если ее сын все еще где-то здесь, она ни за что его больше не оставит наедине с этим маленьким монстром.

— Где он? — спросила Марго.

— Кто «он»? — Существо в двууголке развело руками, наигранно не понимая.

Марго едва сдержала себя, чтобы не наброситься на него.

— Мой сын! Мой маленький мальчик! Где он? Куда ты его дел?

Она снова оглядела всю комнату и предположила, что ее ребенок либо в шкафу, либо под кроватью. Других мест, чтобы спрятать его, здесь просто не было. Окно накрепко закрыто, и вряд ли Калеб или это низкорослое существо, которое им прикидывается, смогли бы дотянуться до защелок.

— Я ведь тебе уже говорил, — со злостью прорычал Малыш Кобб. — Ты что, еще и глухая? Я! Я твой сын! Живой! Настоящий мальчик! Это мое лицо, моя комната, моя жизнь!

Револьвер в его руке задрожал.

— Куда ты его дел? — повторила она свой вопрос, едва не плача.

— Я никого никуда не девал. Я знаю, ты просто на меня злишься, потому что я устроил здесь беспорядок. Да, мамочка?

И тут Марго поняла, что подобным образом не добьется ответа — эта сумасшедшая тварь напрямую ничего ей не скажет. А еще она в любой момент может вскинуть револьвер и выстрелить, после чего выйдет за дверь, спустится вниз и убьет Джонатана, и их смерть точно никак не поможет бедному Калебу... если он все еще жив.

Марго посетила идея: единственный способ все узнать у Малыша Кобба — это

прикинуться и подыграть ему. Как бы ей ни было мерзко и отвратительно, она должна сыграть свою роль.

— Д-да, разумеется! — дрожащим голосом сказала Марго. Она насильно заставила себя встать ровно и вскинуть подбородок. Кто бы только знал, чего ей сейчас стоило измениться в лице и отцедить слабую, блеклую, но все же улыбку.

Увидев эту улыбку, Малыш Кобб тут же решил, что победил. А уж когда она подняла метлу и прислонила ее к стене, он и вовсе не смог сдержаться, чтобы не затрусить самодовольно головой.

— Ты очень плохо себя вел, дружок! — сказала Марго, пряча ярость и ненависть за наигранной строгостью. — И ты знаешь правила, юный джентльмен! Ты не должен разбрасывать игрушки по полу!

— Дааа! — Существо склонило голову. — И что ты сделаешь? Ты ведь накажешь меня? Накажешь? Ну же, накажешь меня?

— Да, ты не получишь сладкого!

— И это все? — разочарованно произнесла кукла. — Может быть, еще что-то?

— И еще ты должен будешь прочитать до конца книжку! Ту, большую скучную книжку, которую ты так не хотел читать!

— Книжку? Что за детские забавы! Где настоящие наказания?

— Настоящие? — спросила Марго.

— Да, настоящие! Например, отрезать мне палец! Засунуть мне в рот мышь! Или даже двух — пусть дерутся внутри! Или еще что-нибудь в том же духе.

— Я... я подумаю. — Марго всю передернуло. — А пока что я пришла уложить тебя в постель. Уже слишком поздно!

— Да, слишком поздно! Но я совсем не хочу спать! Я хочу поиграть со своими милыми игрушками!

— Хорошие мальчики так себя не ведут, — сказала Марго.

— Как? Как не ведут? — уточнила кукла.

— Хорошие мальчики ложатся спать вовремя, не разбрасывают и уж тем более не ломают игрушки, а еще...

— Еще? — перебило существо и заговорило едва слышно — задумчиво: — Хозяин учил меня подстраиваться, учил а-дап-ти-ро-вать-ся. Кхм... что бы сказал, что бы сказал, что бы сказал глупый ребенок на моем месте?

Малыш Кобб оглядел комнату, и взгляд его остановился на камине.

— Мне так холодно, мамочка. Может быть, ты разожжешь огонь? Ты сделаешь это для меня? Мне кажется, я... кхе-кхе, — деланно покашлял он, — простудился. Ты же не хочешь, чтобы я болел, мамочка?

— В кровать! Быстрее! — велела она.

Малыш Кобб включился в игру. Ринулся к кровати, вскарабкался на нее и забрался в постель.

Марго подняла с пола лампу и поставила ее на прикроватную тумбочку, после чего заботливо подоткнула кукле одеяло, не отрывая взгляда от револьвера, который та по-прежнему сжимала в руке.

— Камин, — напомнил Малыш Кобб.

Марго кивнула, достала из кармана платья длинный спичечный коробок и склонилась над камином. Отодвинула кованую решетку — та лязгнула на петлях. Крутанула ручку

ворота, перемешивая золу, потянула на себя рычаг, и из кирпичной стенки выполз короб, через который в очаг высыпалось несколько горстей свежего угля. Затем Марго достала из спичечного коробка тоненький цилиндр в оберточной бумаге с надписью: «Химрастопка Труффель» — и подожгла его спичкой. Засунув палочку химрастопки под грудку угля, она закрыла решетку. Из камина раздалось шипение, он испустил облачко фиолетового дыма, и жарко разгоревшийся за какие-то мгновения огонь жадно облизал приготовленную для него крохкую снедь.

Хлопоча у камина, боковым зрением Марго пыталась разобраться, что же делает сейчас проклятая тварь в постели ее сына. Малыш Кобб не шевелился — просто глядел на нее.

Закончив с огнем, Марго подошла к кровати и села на краешек. Она зашла издалека:

— Долгий-долгий день, да, дружок?

— Да, очень долгий.

— И такой насыщенный... День рождения! Тебе понравились подарки?

— Очень! Просто замечательные! Больше всего мне понравилось их ломать!

Марго на мгновение закрыла глаза и слотнула. После чего вновь поглядела на тварь, стараясь не коситься на револьвер, который та держала поверх одеяла.

— Ты сегодня ставил спектакль? Расскажи мне...

— Балет! Балет! — воскликнул Малыш Кобб. — Сначала это был балет! Куклы танцевали. Они дергались, крутились-вертелись, спотыкались и падали. Я велел им быть расторопнее. Велел слушать своего хозяина! Я просто хотел увидеть прекрасный балет, понимаешь?! Но они были непослушными, и я отламывал им ручонки — для балета они им без надобности! И тогда они стали танцевать лучше — дергались, как сверчки, проткнутые булавкой. Ох, что это был за балет! Куклы танцевали, да... но это был не просто какой-то там глупый танец! Крутятся и вертятся, они отламывали друг другу руки и ноги, а затем безвольно падали на ковер — уродцы, бьющиеся в конвульсиях, скрипящие, скрежещущие и страдающие. Прямо как тот старикашка, которому я однажды отрезал пальцы и засунул их ему в рот...

Слушая все это, Марго с трудом сдерживала рвотные позывы. Буквально от каждой фразы этого маленького монстра ее едва ли не выворачивало наизнанку.

— Тебе понравилось? — спросила она.

— Да! Лучший балет!

— А... — она замялась, — а твоим зрителям?

— Каким еще зрителям? — с подозрением на нее глянув, спросил Малыш Кобб.

— Твоему маленькому первому зрителю... — едва слышно произнесла Марго.

— Никого здесь не было! — завопила кукла. — Только я! Только я! Ты что, пытаешься жульничать?!

Рука с револьвером уже начала подниматься, но Марго поспешила успокоить Малыша Кобба:

— Вовсе нет! — быстро проговорила она. — Конечно же, здесь никого не было. Только ты.

Когда Малыш Кобб успокоился, Марго вновь заговорила:

— Какой подарок понравился тебе больше всего? Расскажи! Тебе понравился мой дирижаблик?

— Нет, — презрительно бросил Малыш Кобб. — Глупая финтифлюха.

Иного ответа Марго и не ожидала.

— Если мне память не изменяет, — начала она осторожно, — было что-то такое... замечательное, восхитительное... ммм... кажется, его принес Джонатан.

— Джонатан?

— Твой папа.

— А, ну да.

— Он принес его... — для пущей убедительности она даже приставила палец ко лбу, — откуда же? Из какой-то лавки игрушек в переулке Фейр. Как же она называлась?

— «Лавка игрушек мистера Гудвина»! — радостно подсказала кукла. — Это мой... гм... вернее, его, Малыша Кобба, старый дом. Он там жил с Хозяином и другими деревянными уродцами.

— Владелец лавки мистер Гудвин и есть Хозяин Малыша Кобба?

Могла бы кукла морщиться, она бы непременно сделала это прямо сейчас.

— Ты можешь мне рассказать про этого Малыша Кобба? — спросила Марго. — Кто он такой?

— Всего лишь резное полено! Хоть и не обделенное очарованием!

Тут Марго бы поспорила, но она не имела права выходить из роли.

— А как так вышло, что он живой?

— Я не знаю, — сказал Малыш Кобб. — Это все Хозяин. Тьма однажды просто рассеялась, и Малыш Кобб открыл глаза. И ему очень не понравилось то место, где он оказался. Отвратительное, мерзкое место. Малыш Кобб презирает его.

— Это мистер Гудвин дал Малышу Коббу жизнь?

— Думаю, да.

— Как он это сделал? Он какой-то ученый?

— Что значит «ученый»?

— Ну, это очень умный человек, который знает всякие науки.

— Да, Хозяин очень умный! Он умнее всех!

— А почему он продал Малыша Кобба?

— Малыш Кобб ему надоел. Он сказал: «Ты мне надоел, Малыш Кобб! Пусть с тобой возится кто-то другой!».

Марго отвела взгляд и уставилась на бедные покалеченные игрушки, лишенные ручек, ножек, с отломанными головами и вспоротыми животами. Даже паровозик представлял собой нечто ужасное: колесики и трубы были выкорчеваны безжалостными руками. Где-то здесь и Калев. Сломанный и изувеченный, будто просто еще одна игрушка...

И тут Марго отметила странную деталь. Игрушки действительно были разбросаны повсюду, но где же в таком случае сам сундук, в котором они хранились? Под кроватью, на своем месте? Это странно. Она много раз видела, как Калев играл — он никогда не затаскивал сундук обратно, пока не наиграется, ведь потом пришлось бы его снова доставать, чтобы сложить игрушки. Быть может, злобная кукла и не собиралась ничего убирать, или же...

Марго прикусила губу и едва слышно застонала. Она поняла...

А еще у нее появилась идея. Очень рискованная идея. Она не была уверена, что сработает, но попытаться стоило.

— Малыш Кобб очень похож на настоящего мальчика, — сказала Марго. — Я это поняла как только его увидела. Но очень похож — это еще не значит, что он и есть настоящий мальчик. Всякие там переодевания ему не помогут. Нужно кое-что другое...

— Что? Что «другое»? — Кукла даже чуть подалась вперед.

— Он должен ходить в школу, как другие дети...

— Это легко! Там много жалких маленьких бестолочей, которых можно бить!

— Еще он должен слушаться маму.

— Это сложнее, но Малыш Кобб умеет слушаться — он долго слушался Хозяина. Хотя ему очень не хотелось! Да, не хотелось!

— И самое сложное... То, чего никогда не сможет сделать никакая кукла...

— Что? Что это?

— То, что умеет делать лишь настоящий мальчик...

— Ну... что же это такое?

— Он должен уметь отправляться спать, когда ему велят. И... — она пресекла его попытку что-то сказать в ответ, — не просто ложиться в кровать и укрываться одеялом, а спать по-настоящему. И здесь нельзя прикидываться!

— Малыш Кобб умеет спать! По-настоящему!

— Нет. Это вряд ли.

— Умеет, говорю тебе!

— Но Малыш Кобб ведь всего лишь кукла.

— Что? Обзываешься?

— Нет-нет, дружок, что ты... Просто не понимаю. Ты можешь мне объяснить?

— Малыш Кобб умеет спать! Как самый-самый настоящий мальчик! Он знает, что такое спать! Это когда все темнеет, и ты видишь сны, а потом просыпаешься, а часы показывают другое время! Малыш Кобб часто спит. Хозяин его усыпляет. Его и прочих деревянных уродцев...

— Нууу... — Она попыталась вложить в это короткое слово все возможное сомнение, на которое только была способна.

— Не веришь?! — Малыш Кобб даже приподнялся в постели от возмущения.

— В это сложно поверить. А ты можешь мне показать?

— Конечно, могу! Нужно только взять и уснуть! Могу хоть прямо сейчас...

Малыш Кобб опустил голову на подушку и прекратил шевелиться, застыл, напрягся как следует... но ничего не происходило.

— Не выходит? — с деланным сочувствием спросила Марго.

— Так просто не получается, — вынужденно признал Малыш Кобб. — Кое-что нужно...

— Что же?!

— Куклу может усыпить только колыбельная.

— В самом деле?

— Ну да! Ты знаешь колыбельную «Уродцы, все спать! Уродцы, в кровать!»?

Марго вздрогнула.

— Нет. К сожалению, я ее не знаю. Но я знаю другую. Хочешь послушать?

— Ты ее пела этому... мне? Ты ее пела мне? Раньше, я имею в виду.

Не в силах сдержать накативший на нее приступ ненависти, Марго просто кивнула.

— Спой! Спой! Спой! — завизжал Малыш Кобб.

— Только ты должен лежать и не шевелиться, — предупредила Марго, — а то нипочем не заснешь.

Он кивнул, потянулся перед сном и замер в ожидании.

Марго показалось, что она вот-вот совершит нечто гадкое, отвратительное, нечто

неправильное и извращенное. Все ее существо противилось петь такую дорогую для нее колыбельную этой твари. Баюкать монстра, как родного ребенка, было настолько противоестественно, что она возненавидела саму себя за то, что готовилась сделать. Она будто окунулась в чан, полный соплей, после чего отправилась на чаепитие в зловонную клоаку канализации, прикупив при этом пару фунтов человеческих глаз на сладкое. Как-то так она себя чувствовала, но, тем не менее, слово за словом она начала петь. Срывающимся, робким голосом, пытаясь подавить всхлипы, вытирая слезы рукавом платья.

*Тик. Так. Тик. Так,
Пусть навеки сгинет мрак.
Дин. Дон. Дин. Дон,
Пусть укутывает сон.*

Стоило ей на мгновение замолчать, чтобы перевести дух, как Малыш Кобб приподнял голову с подушки и ткнул ее в руку револьверным дулом.

— Еще! Еще!

Марго кивнула и продолжила:

*Пусть приснятся тебе стрелки часов,
Пусть приснятся мягкие лапки котов,
Пусть приснится ползущий дым из трубы,
Пусть приснятся волн крутые горбы!
На кораблик ты сядешь и вдаль поплывешь,
Заведешь своим ключиком правду и ложь,
Оседлаешь на дне рыбу в шляпе и фраке,
И пускай не смутят тебя все эти враки.
На зонте ты взмоешь в пенное небо
И увидишь внизу все места, где ты не был.
По дороге из мха — прям в большие часы,
По мостам, что торчат, как кривые носы,
Вверх по ступенькам из фонарных столбов
Ты отправишься в путь, или дверь — на засов.*

Кажется, он засыпал. Малыш Кобб почти прекратил вертеться. Она не верила своим глазам: деревянная кукла действительно засыпала, убаюканная колыбельной! До сего мгновения Марго считала, что Малыш Кобб нагло врет, и ей придется как-то его заговорить, поймать в момент слабости, отвлечь, но он, и правда, уже спал. Кукла принялась храпеть.

*Тик. Так. Тик. Так,
Пусть навеки сгинет мрак.
Дин. Дон. Дин. Дон,
Пусть укутывает сон.*

Марго приподняла руку и осторожно прикоснулась к револьверу, обхватила ствол двумя пальцами и потянула. Но, видимо, она сделала это слишком резко, поскольку Малыш Кобб

всхрапнул, заворочался и еще крепче сжал рукоять своими деревянными пальцами. Он так вцепился в оружие, что его ни за что было не вытащить. И тогда она решилась на кое-что более опасное...

*Пусть приснится тебе из мышей пирожок,
Пусть из пуговиц дождь тебя омоет, дружок,
Пусть приснится страна велосипедных колес,
Пусть приснятся наперстки, полные слез.
Ты возьмешь их и выпьешь, и вспомнишь тогда,
Что возвел ты на звездах, на луне города.
Заберешься на дерево, взмоют в небо грачи,
Ты с веток сорвешь и съешь все ключи.
И в стране из подушек и сахарной пудры,
По холмам, где растут золотистые кудри,
Из окошка в окошко, дружок, прыг да скок!
В кармашке спит кошка — ты не одинок.
Она песенку напоеет тебе тихо свою,
Нашепчет-расскажет, как тебя я люблю.*

С содроганием Марго прикоснулась к подбородку спящей куклы. Или, вернее, к подбородку собственного сына. Под ее пальцами была тонкая, нежная и влажная от крови кожа, и ее едва не стошнило. Она почти перестала дышать. Потянула... медленно-медленно... И лицо поползло, словно простая тряпочка.

*Тик. Так. Тик. Так,
Пусть навеки сгинет мрак.
Дин. Дон. Дин. Дон,
Пусть укутывает сон.*

Дюйм за дюймом... она все тянула лицо с проклятой куклы, и под ним все сильнее обнажалось лакированное окровавленное дерево.

В какой-то момент кукла пошевелилась, и Марго показалось, что она проснулась.

Марго сжалась, ожидая, что Малыш Кобб вот-вот вскинет револьвер и выстрелит, но тот спал — храпел, как и раньше. Он не заметил ни того, как она стащила с него лицо, а затем с отчаянием и приступом тошноты положила его на прикроватную тумбочку, ни того, как она потянулась к нему самому.

Одним движением Марго схватила куклу за ворот пижамной рубашки, вырвала из-под одеяла и зашвырнула в камин.

Тварь мгновенно проснулась. Тварь была в ярости. Она выронила револьвер, и он исчез в углях, но даже если бы она нажала на спусковой крючок и выстрелила, Марго все равно не выпустила бы ее наружу.

Она попыталась закрыть решетку, но Малыш Кобб принялся отбиваться, безумно орать, вырываться. И тогда ей пришлось придавить решетку всем своим телом. Ее платье начало дымиться и тлеть, руки покрылись ожогами, когда она схватилась за раскаленный металл.

Марго закричала:

— Джонатан! Джонатан!

Малыш Кобб горел. Он был в ярости, визжал и ревел, как дикий зверь. Судя по этим крикам, ему было невероятно больно, и все же огонь не торопился охватывать его целиком. Он жегся, причинял кукле мучения, но он всего лишь едва облизывал ее так, словно ему был неприятен сам ее вкус.

Малыш Кобб пинал решетку, бился о нее всем телом, и с каждым ударом та дрожала и отпрыгивала. Марго держала ее крепко.

И тут раздались выстрелы. Бам! Бам! Бам!

Женщина решила, что кукла все-таки нашарила в углях револьвер, и уже простилась с жизнью. Она скрючилась за решеткой, но по-прежнему ни на миг не отпускала ее.

Бам! Бам! Бам! Пуля прошла через прорезь меж прутьями и обожгла ей руку.

Марго закричала и повернула голову — сама кукла выглядела перепуганной и ничего не понимала. А револьвер по-прежнему лежал среди углей, искореженный и почерневший. Судя по всему, патроны в барабане нагрелись и взорвались из-за каминного жара.

Взгляд Марго упал на керосиновую лампу, с которой кукла совсем недавно играла. Она потянулась и схватила ее с прикроватной тумбочки, открыла решетку и зашвырнула лампу в камин. Керосин попал на Малыша Кобба, на его волосы, на пижаму, и он загорелся, как фитиль. Он заорал и завизжал еще сильнее, принялся вырываться, но, несмотря на жар решетки, на огонь, на весь этот визг, Марго крепко держала — она решила умереть, но не выпускать тварь из камина.

— Джонатааан!

В какой-то момент удары прекратились, крики смолкли.

Марго в недоумении повернула голову и увидела, что в огне больше никого нет. Она принялась искать среди углей, надеясь увидеть там уродливую рожу или скрюченные конечности проклятой куклы, но ничего подобного не обнаружила. Она подняла взгляд и увидела кукольную ногу, торчащую из дымохода. Тварь пыталась сбежать через трубу!

Марго вскочила на ноги и распахнула решетку. Схватив кочергу, ее крючком она подцепила куклу за лодыжку... Огонь больно жег, дышать было практически нечем, а ближайшие несколько футов вокруг камина тонули в туче золы, и все же Марго что было сил рванула кочергу и сдернула куклу вниз.

Когда пламя обьяло Малыша Кобба, он заорал, завизжал пуще прежнего.

Марго придавила его ко дну камина, прямо к раскаленным углям. Пижамы давно сгорела, как и волосы. Кукла, напоминающая маленького черного ребенка, наполнила криком всю комнату — казалось, ее визги вырываются из дымохода и разлетаются по всему Тремпл-Толл не хуже штормовой тревоги. Охваченная огнем, тварь трепыхалась и изворачивалась, хватала руками кочергу. Деревянные конечности уже почти рассыпались, голова была обожжена до неузнаваемости, а Марго все держала кочергу, не замечая, что и сама кричит. Безумно кричит на весь дом. Глаза ее жгло от сажи, она готова была рухнуть в обморок от дыма и нестерпимого жара, но она насильно держала себя в сознании, не позволяла себе ослабить хватку.

— Марго! — до нее донесся крик Джонатана. — Марго! Что здесь творится?! Марго!

Он был в комнате. Она не заметила, когда он появился — судя по всему, только что.

— Помоги! Джонатан, помоги! Эта тварь... она пытается...

Джонатан схватил кочергу, оттолкнул жену в сторону и сам придавил изуродованную обугленную куклу ко дну камина. Кукла пыталась брыкаться, из последних сил кричала:

«Хозяин! Хозяин! Помоги мне!», — но никто не ответил на ее мольбы и призывы. В какой-то момент маленький деревянный человечек прекратил дергаться и замолк. Огонь укутал его, будто мягкое одеяло.

Мальш Кобб был мертв.

Марго, вся в саже и ожогах, растрепанная, с тлеющим платьем, едва стояла на ногах. Ее мутило, комната перед глазами кружилась и кувыркалась. Но она и не думала тратить время на то, чтобы пытаться прийти в себя. Она ринулась к кровати, откинула край одеяла в сторону и, застонав от натуги, за ручку вытащила сундук, в котором Калев держал свои игрушки.

Она откинула крышку...

То, что она увидела, ужасало. Внутри лежал голый, свернутый калачиком, ее сын, и на месте его лица была кровавая маска.

Мелко трюся головой от невероятной боли, он поглядел на нее. Его глаза, лишенные век и кожи, встретились с глазами Марго... Губы шевельнулись:

— Ма... ма...

Часть третья. Ты все еще будешь любить меня утром, мама?

Капсула пневматической почты скользила внутри трубы, будто кусок пирога в горле. Конечно, если представить, что данный кусочек способен преодолевать около шестидесяти миль в час, а мнимое горло растянулось на весь Саквояжный район.

Труба, закрепленная на фасаде между первым и вторым этажами, ползла вдоль дома, добиралась до угла и ныряла под землю. Там она проходила под улочкой, скрываясь среди еще нескольких дюжин таких же труб, словно волос в старом парике, достигала площади Неми-Дрё и внутри здания Управления Пневмопочты Тремпл-Толл, или центральной станции, поднималась вверх, до пересыльной рубки. Оканчивалась труба круглым жерлом с откидной крышкой.

Навстречу капсуле был выпущен противодействующий поток воздуха, и она, замедлившись, плавно подошла к точке приема, мягко стукнула о крышку и заявила о своем прибытии свистом. Руки в кожаных перчатках откинули крышку, извлекли капсулу, перенесли ее через помещение и засунули в одну из десятков других перекрытых крышками горловин. Контейнер продолжил свой путь, под землей и на столбах, порой выныривая, а порой погружаясь еще глубже, пока не оказался на узловой станции на Полицейской площади. Здесь с ним проделали то же самое — прочитали адрес, указанный на ярлыке в ячейке, и переместили в новую трубу. Не успела капсула заскучать, а тут еще одна станция — «Чемоданная площадь», у вокзала. Очередной пересыльщик в рабочем фартуке и грубых перчатках засовывает ее в трубу, машинально желая ей удачи, и, стоит крышке за капсулой закрыться, как тут же забывает о ней, поскольку его внимания требует уже следующая...

А наша капсула тем временем выбралась внутри трубы на поверхность и понеслась над крышами домов, меж чердаками, птичниками и дымоходами, на восток, в сторону канала Брилли-Моу. Это был самый короткий участок ее пути. Пневматическая Паровая Почта Габена работала быстро, и спустя примерно пять минут после изначальной отправки капсулы она уже подлетала к конечной точке своего назначения.

Снова раздался свист, крышка откинулась, и руки в тонких черных перчатках извлекли пересыльный контейнер на свет, открыли заслонку и достали послание.

Высокий человек в черном костюме прочитал письмо, взял со столика у труб пневмопочты (здесь их у него было три) листок бумаги, ручку и чернильницу. Спешно написал инструкции, пообещал скоро быть, оставил внизу лаконичную подпись «*Н.Ф. Доу*», изменил адрес на ярлыке, после чего засунул послание в ту же капсулу, а капсулу — в трубу. Закрыв крышку, крутанул винт на трубе и отправил контейнер в обратном направлении.

— Мне нужно отлучиться, Джаспер, — сказал он холодным строгим голосом. Он не был зол или расстроен — он всегда так говорил.

— Хорошо, дядюшка, — раздался ответ из глубокого кресла. Там кто-то сидел, закрывшись огромной ветхой книгой с изображением мотылька на обложке.

Тот самый человек в черном, рекомый дядюшка, надел пальто, взял со стойки антитуманный зонтик, надел на голову обтянутый черным шелком цилиндр, подхватил саквояж, но вместо того, чтобы направиться к входной двери, шагнул к двери чулана в прихожей. Зайдя в каморку, он потянул за рычаг в стене. Тут же в полу поднялась тяжелая крышка люка, и Н.Ф. Доу, цепляясь за железные скобы-ступени, вмонтированные в стену

колодца, спустился через круглое отверстие вниз. Спустя какое-то время крышка люка над его головой опустилась...

Марго Мортон сидела в кресле и глядела в пустоту перед собой. Скванная ужасом и ожиданием, она ничего не замечала кругом. Джонатан сидел на ступенях лестницы, опустив лицо в ладони. Он мало что понимал. Сперва пытался вызнать все у Марго, но та могла лишь плакать. Поначалу. Теперь в ней не осталось даже слез.

На лестнице раздались шаги, и вниз спустился высокий человек в черном костюме. Марго ожила и бросилась к нему навстречу:

— Вам удалось, доктор? Что с моим сыном?!

Доктор Доу прибыл на Каштановую улицу очень быстро — и это удивительно, учитывая туманный шквал, бушующий в городе. Он словно прилетел сюда в капсуле пневмопочты. И хоть данное предположение могло бы показаться нелепостью, но на деле он появился ненамного позже собственных инструкций.

Лишь только войдя в дом Муртонов несколько часов назад, он выключил и сложил свой зонт, повесил пальто и цилиндр на вешалку. Придирчиво окинул взглядом Марго: ее ожоги, рану от пули — разорванную полосу кожи на плече.

— Боюсь, вам придется подождать своей очереди, миссис Муртон, — сказал он настолько жестким голосом, словно забивал гвозди.

Джонатан уже собирался было возмутиться, но Марго кивнула:

— Конечно-конечно! Главное — мой сын! Позаботьтесь о Калебе, доктор, я молю вас! Сделайте все возможное...

— Я здесь именно для этого, — прервал грозящий разрастись на полчаса поток женских переживаний доктор. Отсутствие каких-либо эмоций на его бледном узком лице можно было принять за безразличие, а вскинутый подбородок и извечно прищуренные глаза — за надменность и презрительность. Это была не слишком-то приятная в общении личность.

Без долгих рассуждений доктор отправился наверх. Изгнав Марго и Джонатана из детской, он запер дверь. Оставалось ждать...

— Мне не нравится этот тип, — сказал Джонатан, когда они спустились вниз после грубого окрика из-за двери: «То, что вы сопите там, меня отвлекает! Попрошу вас избавить меня от себя на некоторое время!». — Я слышал о нем много дурного...

Доктор Натаниэль Френсис Доу действительно был мрачен, как тень, и холоден, как сквозняк, прошедший по спине. Он не растрчивал попусту ни слова, ни эмоции. А когда все же снисходил до разговора, то представал циничным, насмешливым и колким. А еще он выглядел и вел себя так, словно был перманентно раздражен. Кто-то назвал бы его черствым, но правда в том, что за черствость люди частенько воспринимают прямоу, с которой им сообщают неудобную для них правду. Они не любят тех, кто обходится без смягчения, кто не боится ранить чью-то чрезмерно чувствительную натуру. Что ж, доктор был профессиональным ранителем чрезмерно чувствительных натур. В какой-нибудь книжке он запросто мог бы состояться в качестве злодея, к которому ни за что не рекомендуется подпускать ребенка.

— Он пришел сюда, — сказала Марго, — как только я ему написала. Несмотря на то, что два часа ночи. Несмотря на то, что на улице туманный шквал. Мне нет дела до того, какие у него манеры, я хочу, чтобы он спас нашего сына.

Джонатан кивнул, и все же сомнения никак не оставляли его:

— Почему было не написать доктору Грейхиллу из городской лечебницы? У него хорошая репутация и...

— Доктор Грейхилл, — перебила Марго, — неторопливый, как Старый трамвай на Набережных. А репутацию ему делают старухи, которым спешить уже некуда. А еще он бы не пришел посреди ночи, даже из дома не вышел бы, пока не закончится шторм. А между тем доктор Доу, который тебе так не нравится, уже здесь, борется за жизнь нашего сына. Я не хочу больше об этом говорить!

— Прости меня, — сказал Джонатан. — Ты права. Я и сам не понимаю, что говорю. Это все... — он замолчал и уставился в пол. — Позволь я помогу тебе. — Он поглядел на ее обожженные руки.

Марго кивнула...

Доктор Доу проводил свою операцию не меньше пяти часов. Два раза он требовал «Воды!» и «Полотенца!». С каждым часом, проведенным в неведении, тревога в сердце Марго крепла, с каждой минутой ожидания что-то отмирало в душе. И вот, когда доктор показался на лестнице, она бросилась к нему, заламывая неимоверно болящие руки. Джонатан поднялся на ноги и вопросительно уставился на обладателя хмурого, не выражающего ничего хорошего взгляда.

— Повреждения были серьезными, — сказал доктор. — Один из сложнейших случаев в моей практике.

— Вам удалось? Удалось, доктор?

Доктор Доу перевел медленный тягучий взгляд на Джонатана.

— Лицо я вернул на место, пришел. — Он говорил так, словно речь шла о какой-то простой заплатке. — Снабдил ткани «Заживительной вакциной Бёрра» и добавил «Регенеративный ускоритель Пойшлица». Вам очень повезло, ведь эти средства открыли совсем недавно. Полагаю, хирург-коллегия из Старого центра заслуживает получить от вас благодарственное письмо. Что ж, «Бёрр» требует времени и дополнительного ухода, все побочные эффекты я напишу списком. Самое серьезное — это заикание, временные судороги в левой ноге и непереносимость пения сверчков.

Ни Марго, ни Джонатан почти ничего не поняли, кроме того, что лицо их сына к нему вернулось.

— Он... он... — Марго не смогла продолжить.

— Выживет, да, — хладнокровно сказал доктор. — И его лицо... Что ж, вы должны понимать, что убрать все следы никому не по силам. Я делал едва ли не самые тонкие швы за всю свою карьеру, но все равно шрамы останутся.

— Он... — начал Джонатан, — он станет...

— Уродом? — безжалостно уточнил доктор Доу. — Нет, что вы. Внешние последствия будут минимальны, я полагаю. Вы быстро и дотошно следовали моим инструкциям, и это многое решило, но если бы операция началась на каких-то двадцать минут позже, все было бы значительно хуже...

Марго попыталась взять доктора Доу за руки, она зарыдала.

— Я не знаю, как вас благодарить, доктор!

Доктор Доу отстранил ее, а от слез поморщился — они его раздражали. Раскрыл саквояж и достал оттуда тюбик с этикеткой «*Антижгин. Средство от ожогов доктора Перре*» и протянул его Марго.

— Втирать три раза в день. Побочные эффекты — насморк, но только в правой ноздре,

и галлюцинации в виде мухи в комнате.

— Благодарю, благодарю...

— С повязкой вы и сами справились... — доктор, видимо, едва сдержался, чтобы не закатить глаза, — приемлемо. Я приду через три дня, — сказал он. — Сниму бинты и швы. Обезболивающие препараты я оставил на тумбочке — они действуют хорошо, но, опять же, много побочных эффектов. Если состояние Калеба ухудшится, сразу же сообщите.

Он взял саквояж, надел свое пальто, цилиндр, предусмотрительно раскрыл над головой антитуманный зонтик, запустил винт и вышел за дверь.

И это было едва ли не последнее, что Марго четко помнила, осознавала и понимала. Когда доктор ушел, ее буквально накрыло потоком чувств, эмоций, страхов, шумом, криками, спорами, лицами...

Туман уже почти рассеялся к вечеру следующего дня. Габен вернулся в свой жизненный ритм, а дом № 24 по Каштановой улице тем временем превратился в проходной двор. Сновали и толклись какие-то люди. Мальчишки-посыльные из аптеки Медоуза. Полицейские. Джонатан о чем-то с ними переругивался. Важный сержант с пышными бакенбардами хмуро качал головой.

— Это все он! Он! — твердил Джонатан. — Вы должны мне поверить! Это проклятый кукольник!

Но сержант ему не верил:

— Я ведь вам уже сказал, сэр, — говорил он непреклонно. — Мы пришли по указанному вами адресу, но непохоже, что в лавке что-то продается. Вряд ли вы могли в ней купить... гм... игрушку.

— Я этого так просто не оставлю! — Джонатан продолжал упорствовать. — Я сообщу в газеты! Можете мне поверить, в «Сплетне» из этого раздуют целую эпопею! Бенни Трилби понравится наша история, а уж он, как вам известно, не упустит случая уделить пару абзацев доблестной габенской полиции!

Сержант уже откровенно злился. А угроза вовлечь ненавидимого едва ли не всеми в Тремпл-Толл корреспондента «Сплетни», профессионального раздувателя слонов из мух, вызвала у него острое ощущение несварения.

— Вы бы это полегче, сэр, — сказал он, поджав пухлые губы. — Советую вам следить за словами. Я понимаю, что у вас горе и все такое, но я бы поостерегся разбрасываться угрозами. Спешу обратить ваше внимание на то, что речь сейчас идет о клевете. Если вы продолжите настаивать на том, что почтенный мистер Гудвин, которого у нас подозревать нет никаких причин, является виновником произошедшего, то он, боюсь, подаст на вас в суд за попытку очернить его имя. И в данный момент, смею вас заверить, шансы не в вашу пользу, поскольку это всего лишь ваше слово против его слова. Он же заявляет, что не продавал никакую куклу, что уже давно не торгует куклами. Вы утверждаете, что сожгли указанную куклу — это очень подозрительно. К тому же, у вас нет никаких квитанций, вас никто не видел возле лавки. А та женщина, о которой вы нам сообщили — та, что живет в футляре от контрабаса, совершенно чокнутая — она даже не говорит — не слишком надежный свидетель. При всем этом в книге учета покупателей у мистера Гудвина не значатся сведения ни о каком... — сержант сверился с записями в блокноте, — Мальше Коббе. Мы все тщательно проверили. Он заявляет, что незнаком с вами, никогда вас прежде не видел, и уж тем более, повторяю, не продавал вам никакую куклу!

— Проклятый лжец! — закричал Джонатан, но поделать он ничего не мог, разве что, в бессильной ярости сжимать кулаки. Равнодушие полиции его, разумеется, не удивило, но подобная несправедливость была уже совершенно за гранью. Если верить их словам, то выходило так, что они с Марго все придумали, никакой куклы не было, а их сын Калев просто якобы порезался или что-то в том же духе.

Видя, что хозяин дома успокаиваться не намерен, сержант стал намекать, что, быть может, полиции стоит присмотреться к тому, как именно Калев Мортон получил свои ранения во время туманного шквала, в запертой квартире, в присутствии отца и матери. И лишь тогда Джонатан понял, что, если продолжит настаивать на своей версии случившегося, из жертв их самих сделают виновными. Это был нередкий для Габена исход. Нехотя Джонатану пришлось замолчать, сдерживать бушующие эмоции внутри и проводить господ полицейских.

Когда они ушли, он еще какое-то время возмущался, угрожал в пустоту, проклинал их, призывал на их головы падения дирижаблей, а под ноги — обрушения мостов, но вскоре его запал весь изошел, и он будто бы выгорел...

Постепенно дом наполнился тишиной. Никто не бегал по лестнице, никто не хлопал дверями, никто ни о чем ни с кем не говорил. Таким молчаливым Джонатана Марго никогда прежде не видела, да и сама она целиком ушла в себя. Почти все время она проводила возле постели Калеба, кормила его с ложечки кашей из тертого желудя. Джонатан и вовсе превратился в тень — даже перестал читать свои газеты. Он уходил на работу, возвращался поздно, не говорил ни слова. Глядел в пустоту, о чем-то раздумывая.

Слух о том, что в доме № 24 случилось что-то мрачное и зловещее, разошелся по Каштановой улице словно подхваченный ветром.

Перестал приходить старый почтальон мистер Лейни, а молочник мистер Миллн всякий раз, когда оставлял у порога свои бутылки, старался ретироваться от «жуткой» двери как можно скорее. Судя по толстому ковру опавших листьев и старым газетным листкам у крыльца, которые никто не спешил убирать, даже дворник, мистер Блувиш, обходил, или в его случае, скорее, обметал их дом стороной.

Марго и прежде не особо общалась с соседями, но сейчас она буквально чувствовала, как они все смотрят, пытаются пронзить любопытными взглядами затянутые занавесками окна, перешептываются между собой, выясняют, что же именно произошло в № 24. И даже не покидая дома, она ощущала тучу злорадства, которая будто зависла над их крышей. Таков был Габен — никакого тебе сочувствия, никакого сопереживания, лишь потаенная радость, что это случилось не с ними. Она видела тени, исчезающие в комнатах, захлопывающиеся двери и задергивающиеся шторы, стоило лишь ей показаться на крыльце. И даже сестра Марго, Джеральдин, вела себя так отстраненно, словно они чужие. Явилась к ним домой лишь однажды, спросила с порога: «Это правда?», — и после того, как Марго со слезами бросилась к ней в объятия, отстранилась, развернулась и ушла. Она будто боялась заразиться несчастьем, постигшим семейство Мортон.

За эти дни Марго осунулась и постарела. Бледная, исхудавшая, поседевшая, похожая на призрак, она бродила по дому неслышно, то и дело заглушая рыдания платком.

Калев ничего не говорил. Калев лежал в кровати с закрытыми глазами и забинтованным лицом, и она понимала, что он до сих пор жив, лишь по изредка поднимающейся при дыхании груди да по тонкому посвистывающему хрипу, вырывающемуся через неплотно сомкнутые губы. Обезболивающие средства доктора Доу вроде бы работали. Марго теперь

всегда давала их сыну заранее: она просто не смогла бы снова пережить тот жуткий крик, раздавшийся под утро два дня назад, когда действие одного из лекарств прошло.

На третий день доктор вернулся и снял повязки, снял швы. Марго очень боялась того, что ей откроется, когда бинты спадут, но, увидев такое родное и любимое, хоть и бледное, лицо ее сына, она почти сразу же успокоилась. Доктор Доу справился просто замечательно — вряд ли можно было сделать лучше. О случившемся свидетельствовали лишь тоненький шов по контуру лица да несколько крошечных шрамов над верхней губой и в уголках глаз.

— Все, как я и предполагал, — сказал доктор Доу, осмотрев лицо маленького пациента. — Моя работа закончена. Я оставлю вам новый список лекарств...

Он собрал бинты, сложил инструменты в черный саквояж и ушел.

С того момента, как дверь за ним захлопнулась, жизнь была готова вернуться в дом № 24 по Каштановой улице.

Средства для заживления ран действовали довольно быстро, и в скором времени Калек почти полностью пришел в себя. Он уже мог сам есть, ходил, двигался. Моргать, правда, было все еще больно — глаза закрывались невпопад, по очереди, веки будто жили своей собственной жизнью — то дрожали и не сдвигались с места, то захлопывались, как крышки чемоданов. Это было довольно странное и пугающее зрелище. Примерно то же обстояло и с губами. Всякий раз, как Калек шевелил ими, он ощущал, что вся нижняя часть лица натягивается, словно парус.

А еще от пилюль мальчик сильно заикался. У всех лекарств, продающихся в Габене, есть свои обязательные побочные эффекты, и доктора с аптекарями всегда честно о них предупреждают. Они называют это «расставить приоритеты»: если у вас голова просто разрывается от боли, вы не станете слишком переживать о том, что каждый третий день из-за пилюль у вас появится жжение в мочке левого уха и периодически вы станете наливать воду мимо стакана. Что касается Калеба Мортонна, то он едва мог выдать из себя целое слово, и на это уходила почти минута. Поэтому вскоре он и вовсе прекратил говорить.

Он стал совершенно другим ребенком: с момента трагедии он будто повзрослел на двадцать лет. Он и не думал больше играть, почти все время сидел в своей комнате, вниз не спускался, ел очень мало. Он был молчалив, хмур, и лицо, его старое лицо, мнилось ему чужим. Оно постоянно болело, кожу жгло, ему казалось, что если он резко наклонится или кашляет, оно отпадет. Но швы держали крепко, а благодаря лекарствам кожа вросла намертво. Марго как могла пыталась его расшевелить, оживить, но он почти никак не реагировал. Произошедшее травмировало его сильнее внутри, чем снаружи.

О произошедшем, к слову, не говорили. Совсем. Эта тема висела в спертom воздухе квартиры, пряталась в пыли под кроватями, покоилась в ящичках гардеробов, но никто не хотел ее поднимать. Мортоннам казалось, что если только заговорить об этом, все вернется — ужас снова поселится в их доме, и они просто не смогут еще раз его пережить.

Марго как-то взяла совок и щетки и вычистила уголь, пыль, золу — все, что только возможно — из камина в детской, собрала все это в мешок и выставила мешок за дверь. Ей казалось, что пока эта тварь, пусть и в виде золы, находится в ее доме, ее семья не сможет вздохнуть свободно. Марго ощущала, что эта проклятая кукла как будто до сих пор здесь — сидит с ними за одним столом, бродит по лестнице, прячется на чердаке. Ей постоянно чудилось в тишине квартиры мерзкое и противное «мммамочка».

В тот день, когда стемнело, она выглянула в окно, чтобы удостовериться, что праха

куклы больше нет рядом с их домом, но вместо этого с раздражением отметила, что дворник снова «забыл» забрать мешок, а еще она увидела, что кто-то копошится у двери. Что-то большое — то ли уличный пес, то ли еще что-то, — опустив морду и лапы в мешок то ли жрало золу, то ли просто обнюхивало мешок в поисках чего-нибудь по-настоящему съедобного.

Марго уже было думала выйти за дверь и прогнать это существо, но тут отсвет фонаря упал на его отвратную морду, на шесть тонких мохнатых лап, и она в ужасе задернула штору. Откуда блоха из Фли здесь, в самом сердце Тремпл-Толл?

Наутро ни блохи, ни мешка, ни каких тебе ответов не было.

Улица Каштановая была тихой и сонной. Никаких драм, истерик и скандалов. Живущих здесь людей спокойно можно было принять за лунатиков, и это несмотря на то, что улица располагалась неподалеку от шумной площади Неми-Дрё, считавшейся неофициальным центром Саквояжного района.

Разумеется, здесь росли каштаны, и сейчас они почти полностью облетели. Клочки тумана, оставшегося после шквала, запутались в ветвях. Порой по выложенной брусчаткой узенькой проезжей части стучали колеса экипажей, трещали звонки велоциклов. Прогромыхала дымная пароцистерна рыбника; «*Карасики мистера Доуза*», — было выведено черными трафаретными буквами на ее покатым боку. Девушка в твидовом платье и клетчатом коричневом пальто пронеслась на роликовых коньках, из тоненьких выхлопных труб которых в воздух поднимались струйки красноватого дыма. Девушка исчезла так же быстро, как появилась, умчалась, и вряд ли ее ждало впереди что-то плохое. Марго захотелось вот так же — надеть пылящиеся на дне обувного комода старые роликовые коньки, засыпать в бак растопку, завести их, толкнуть дверь и... разумеется, она никуда никогда не отправилась бы.

Марго сидела у окна. Она больше не могла находиться в этой черной душной квартире, но и мысль выйти на улицу была для нее невыносима. С недавних пор внешний мир ее пугал: слишком много зла бродит по улицам и переулкам, слишком много тьмы ездит в трамваях и ждет на станциях. Но эта духота... ее тошнило от одного взгляда на эти полосатые обои, на обитую старым плюшем мебель, на стопки газет со всеми этими заголовками, криками восклицательных знаков, недоумением знаков вопросительных и нерешительностью многоточий. А еще здесь стоял этот запах... Нафталин и тягучее, вяло протекающее отчаяние. Да-да, она явно ощущала все это.

Поэтому Марго просто поставила кресло напротив окна в гостиной и решила для себя, будто она одновременно и дома, и на улице. Или, скорее, ее нет ни здесь, ни там. Она открыла шторы и просто часами сидела в кресле, безразличным взглядом провожая спешащих мимо прохожих и проезжающие экипажи. Мистер Миллн на своем трехколесном велоцикле развозит молоко. Откуда-то с той стороны улицы доносится шелест метлы — это мистер Блувиш сметает листья под каштанами. Мимо окна, что-то обсуждая, прошли мадам Тизл и ее подруга миссис Хенн. Поравнявшись с № 24, они покосились на «зловещий дом», увидели Марго в окне и ускорили шаг. Ей было все равно.

Марго глядела на падающие листья, на кота, чешущегося на гидранте, на Пуффа, пса из № 18, который вечно ходил как в воду опущенный. Она так привыкла к сонной неторопливости происходящего за окном, что сперва не обратила внимания на неподвижную фигуру, стоящую на другой стороне улицы и глядящую будто бы прямо на нее. Куда именно

незнакомец смотрит, она определить не смогла, поскольку человек в длинном пальто и двуголке был в маске — мрачной потрескавшейся арлекинской маске. Не сразу она поняла, кто это такой, а когда до нее внезапно дошло, тут же вскочила на ноги, намереваясь позвать Джонатана, но, бросив еще один взгляд в окно, вдруг обнаружила, что там больше никого нет.

Она тряхнула головой, протерла глаза. Никого на той стороне больше не было. Лишь Пуфф грустно уставился на свое отражение в луже.

— Это все из-за страхов, — пробормотала она и вернулась в кресло. — Все эти мысли...

Джонатану об этом, решила она, лучше не говорить, а то еще неизвестно, что он устроит.

И то верно — с ним в последнее время творилось много чего неладного. Он был совершенно на себя не похож: стал злым, грубым и резким — в те моменты, когда ей все-таки удавалось вытащить из него хоть слово. Они очень отделились.

Радио он больше не включал. По нему было видно, что вина пожирает его, медленно отгрызает по кусочку. Из-за того, что принес эту проклятую куклу, из-за того, что в тот вечер слушал передачу. Он винил себя за то, что не разобрал крики сына среди звуков глупого радио-шоу.

А в один из дней, когда Джонатан был якобы на работе, засвистел датчик пневмопочты, и Марго достала из капсулы аккуратно сложенное письмо с печатью конторы «Лейпшиц и Лейпшиц». Это было уведомление об увольнении за неявку на службу и пропуск подряд пяти дней без сообщения причины. Когда Джонатан вернулся поздно вечером, Марго ткнула рукой в раскрытое письмо, лежащее на столике у раструба пневмопочты. Она спросила:

— Куда ты ходишь, Джонатан?

Тот хмуро отвернулся.

— Куда ты ходишь, Джонатан? — повторила она.

— В переулочек Фейр, — с ненавистью выдавил сквозь зубы Джонатан.

— Зачем? — испуганным шепотом произнесла Марго.

— Я хочу узнать...

— Что?

— Хочу узнать зачем. Зачем ему это понадобилось!

— Кому? Кукольнику?

— Да, этому проклятому кукольнику Гудвину. Зачем ему понадобилось уродовать нашего мальчика. Я не понимаю, что происходит. И это сводит меня с ума. Мне никто не верит. Почему никто не верит?

— Джонатан, — сказала Марго. — Мы должны быть рады, что все закончилось так, а не иначе, ведь все могло быть намного хуже. Кaleb выздоравливает. Мы должны верить, что он вернется, станет прежним. Я просто хочу, чтобы все это забылось, как страшный сон.

— Это никакой не сон, — упрямо проговорил Джонатан. — Это никогда не забудется. Это произошло не просто так. И я хочу знать почему.

— Ты сделаешь все только хуже, — сказала Марго, на что он снова отвернулся.

Что ж, в итоге Джонатан и сделал хуже. Намного хуже.

Школьный двор с трех сторон был обнесен хмурыми кирпичными стенами учебного

здания, а с четвертой перегорожен высокой кованой решеткой. По двору, напоминая больших унылых жаб в мире, где не осталось ни одной мухи, бродили дети в клетчатой темно-зеленой форме. Понурые, не в силах сбросить с себя пристальные строгие взгляды, они были похожи на заключенных.

У ведущих во двор дверей застыла сутулая фигура мистера Споллвуда, учителя манер и воспитания, которого, судя по его выражению лица, сейчас жутко пытали — он явно ненавидел это место. В руках мистер Споллвуд держал шумомер с датчиком и следил, чтобы стоявший во дворе гул не достигал регламентированного школьными правилами предела детского шума. В глазах-окнах здания школы виднелись серые фигуры других учителей, неотрывно глядящих на двор: пусть сейчас и была большая перемена, дети не должны чувствовать себя слишком веселыми и радостными, ведь радость — это прямая дорога к нарушению правил — так считал Горнон Гокби, господин школьный директор.

После прошедшего шквала по углам двора сиротливо жалась клоки тумана — за прошедшие дни они так до конца и не рассеялись. Кто-то из детей запускал в них руки и, с опаской оглядываясь на мистера Споллвуда, ел их. Больше от скуки, чем от любопытства или голода.

Калев Мортон сидел отдельно от других на качелях в паре ярдов от решетки — в паре ярдов от огромного шумного мира взрослых. Уныло скрипела натянутая цепь. Мальчик покачивался совсем чуть-чуть, не отрывая ног от земли. Прочие дети глядели на него исподлобья, перешептывались, но, когда он смотрел на них в ответ, тут же отворачивались. Если бы учителя не били их по рукам линейкой, то они непременно тыкали бы в него пальцами. То, что с ним что-то произошло, ни для кого не было тайной. Когда он вернулся в школу, его прежние друзья, Эмили, Фред и Картавый Суили, сделали вид, что незнакомы с ним. Признаться, у него и не было особого желания поддерживать общение как с ними, так и с кем бы то ни было вообще. Он говорил с трудом и, когда отвечал на какой-нибудь заданный учителем вопрос, выдавал слова коротко, отрывисто, с тяжелым придыханием. А еще он отчаянно заикался, отчего многие дети смеялись.

Ученикам было запрещено каким-либо образом привлекать внимание к случившемуся или поднимать эту тему, но, разумеется, несмотря на все запреты, какие только истории не ходили по школьным коридорам, а с ударом колокола, знаменующим начало большой перемены, они выскользнули во двор. Прежние друзья во что-то играли, прочие ученики лениво болтали о том, как тяжело учиться, а еще о том, что хочется поскорее вернуться домой. Кто-то хвастался новой игрушкой...

После всего, что произошло, Калеба не интересовали никакие игрушки, игры и тому подобное. Ничто не приносило ему радости, и откуда-то он знал, что больше никогда не сможет улыбаться. Впрочем, ему и не хотелось.

Так он и сидел первые десять минут перемены, думал о произошедшем, думал обо всем плохом, что случится еще впереди, когда вдруг почувствовал, что кто-то стоит у решетки со стороны улицы. Он обернулся и увидел его.

Это был высокий худой человек в двуголке и длинном пальто. Лицо его скрывалось за белой носатой маской, а вокруг шеи был обмотан длинный красный шарф.

— Эй, мальчик, подойди-ка сюда, — негромко позвал незнакомец.

Калев огляделся по сторонам. Другие дети совершенно о нем позабыли и занимались своими никому не нужными делами. Мистер Споллвуд мечтал об аэробомбе, которая просто обязана была вот-вот рухнуть прямо в центр этого двора. Всем было все равно. Мама часто

твердила Калебу, что ни в коем случае нельзя заговаривать с незнакомцами, но все же что-то подтолкнуло его, он встал с качели и направился к решетке...

Вблизи незнакомец казался еще более высоким и тощим. В руках он держал трость.

Когда Калед подошел, незнакомец заговорил. Все началось с вопроса, а затем переросло в целый монолог. Незнакомец все говорил и говорил, что-то спрашивал, уточнял, Калед ему что-то отвечал. Речь была о чем-то настолько незначительном, что мальчик даже не особо понимал сути.

В какой-то момент сзади раздался строгий голос:

— Мортон!

Калед вздрогнул, обернулся и увидел приближающегося к нему быстрой походкой мистера Споллвуда.

— Кто это был? — спросил он, подойдя.

Калед повернулся к решетке, но там уже никого не было.

— К-к-какой-то джентльмен, — заикаясь, ответил Калед. — С-с-спрашивал дорогу, с-с-сэр...

— Сейчас будет звонить колокол, — подозрительно косясь на опустевшую улицу за решеткой, проговорил учитель, после чего поглядел на Калеба. — Возвращайтесь в школу, Мортон, и больше не заговаривайте с незнакомыми людьми.

— Х-х-хорошо, сэр.

— Мортон!

— Да, сэр?

— Куда нужно было этому джентльмену?

Калед пожал плечами:

— Улица К-к-кошмаров, на к-к-которой находится дом... эээ... с т-т-тайнами.

— Не знаю такого места.

— Я т-т-тоже, сэр.

Калед поплелся в школу, но не успел он пересечь двор, как к нему сзади подошли два старших ученика, Тревор и Хоули, известные задиры.

— Эй ты, уродец! — засмеялся Хоули. — У тебя лицо сползло! Не хочешь поправить?!

— Вы только поглядите! — вторил ему Тревор. — Его криворукая мамочка криворуко пришила ему личико на место. И что ты нам проямлишь на это, глупый заика?

Калед вжал голову в плечи — он заставлял себя не оборачиваться, а задиры продолжали идти в паре шагов позади и шпыняли его, но тут ударил школьный колокол, и толпа учеников разделила их. Дети вернулись в классы. Занятия продолжились...

День тянулся неимоверно долго. Как в каком-то сне. В школе все было так же уныло, как и прежде. По коридорам и в классах летали мухи — здесь они водились в избытке. Окна были затянуты пылью. Учителя и вовсе представляли собой самых скучных существ на всем свете.

Первый день после возвращения Калеба в школу ничем особо примечательным не запомнился. Прошло еще четыре урока. Колокол снова прозвенел. Родители пришли за учениками. А за Тревором и Хоули приехал экипаж скорой помощи — кто-то столкнул их с лестницы, и они сломали себе руки, ноги и ребра, а Хоули — даже шею.

Вернувшись из школы, Калед переоделся в пижаму и лег спать, хотя было еще совсем рано. Теперь он почти все время спал. И весь день на уроках он мечтал лишь о том, что

скоро придет домой, опустит голову на подушку, укроется одеялом и... все.

Он закрыл глаза и прислушался — в доме было тихо. Мама — внизу, сидит в своем кресле. Она привела его домой, не говоря ни слова. Ее рука была ледяной и совершенно... не маминой. Папа — в комнате за стеной, сидит на кровати, сходит с ума. А может, и нет. Может, просто о чем-то думает... Кaleb больше не знал, он перестал понимать родителей. Они очень изменились, как будто это были и не они вовсе, как будто это с них... с них сняли лица.

На улице раздался гудок клаксона, взвыла испуганная собака. Кто-то прошел по коридору, скрипнула половица прямо за его дверью — как будто кто-то застыл там в нерешительности, раздумывая, войти или нет. Кaleb не открывал глаза, просто слушал. А потом повернулась ручка, дверь открылась, кто-то сел на край кровати.

— Я знаю, что ты не спишь, — раздался голос, и это был совершенно не тот голос, который Кaleb ожидал услышать. Принадлежал он тому странному человеку, подошедшему к нему на большой перемене.

Кaleb открыл глаза, но веки, как и всегда после продолжительного времени в опущенном состоянии, задергались, и ему пришлось поправить их пальцами.

На краю кровати действительно сидел незнакомец в двууголке и маске. Воротник пальто поднят, длинный красный шарф стелется по постели, голова склонена набок. Кaleb уже собирался было закричать, но из его горла вырвался лишь стон. Он ощущал себя совершенно беспомощным, как бывает во снах. Ни пошевелиться, ни убежать... только глядеть и в ужасе ожидать неминуемого...

— Улица Кошмаров... — сказал незнакомец, положил обе руки в тонких белых перчатках на маску и снял ее, словно оторвал с кожей. Под маской был тот, кого мальчик ожидал увидеть меньше всего. Это казалось просто невозможным!

— Т-тетушка Джеральдин?

Женщина с худым бледным лицом, впалыми щеками и темными кругами под глазами глядела на него мрачно и самодовольно. Ее взгляд прибывал голову мальчика гвоздем к подушке. Ее тонкие губы были, как и всегда, недовольно поджаты. Кaleb боялся и не любил тетушку. Ему не говорили об этом, но он знал, что она презирала папу и строила всяческие козни, пытаясь помешать их с мамой свадьбе, а после чего, как ей это не удалось, деланно смирилась, но при этом вела себя холодно, зло и отстраненно. Но почему она здесь? В этом костюме?

— Слишком все это как-то сложно, — сказала она, презрительно глядя на Калеба. — Все перемудрено. Я уверена, что это можно сделать намного проще...

— Что? — прошептал мальчик. — Что сделать?

Она покачала головой и вновь надела маску.

— Улица Кошмаров... — сказала тетушка, только вот голос был уже отнюдь не тетушкин. Это снова был голос незнакомца, спрашивавшего дорогу.

Он снова снял-оторвал маску, и под ней было уже другое лицо. Такое же бледное, как и предыдущее, но мужское. Хмурое и строгое. Прямой нос, узкий подбородок и тьма в глазах.

— Д-доктор Доу?

Мужчина придвинулся и наклонился к Калебу. Он принялся его осматривать, словно проверял свою работу. Кaleb очень боялся этого доктора. Энджи Уиткинс из школы рассказывал, что доктор Доу ставит опыты на детях, а еще что он зашивает одних лишь убийц и грабителей... И что даже те его боятся. Все эти иглы, ледяные пальцы, придиричивый

характер. Когда доктор приходил к Калебу, тот так трясся от страха, что, если бы мама не держала его за руку и не твердила, что все будет хорошо, он точно прятался бы в шкаф.

— Это совершенно невозможно с научной точки зрения, — сказал доктор Доу неожиданно пустым и глухим голосом. — Это очень... очень странная наука. Я с ней незнаком.

— Я... — начал Калеб, — доктор...

Но тот его не слушал — он отстранился и вновь надел маску. После чего в очередной раз проговорил:

— Улица Кошмаров... Как мне туда дойти?

— Я не знаю.

— Как? Где этот дом?

— Какой дом?

— С тайнами...

— Я не знаю никаких тайн...

— Министерство Тайных Дел.

Калеб затряс головой. Он почувствовал, что не может дышать. Голос из-под маски превратился в шипение.

— Улица Кошмаров. Как мне дойти?

— Я...

Сидящий на краю его кровати снова снял маску. Под ней больше не было человеческого лица. Теперь там оказалась черная морда твари, огромного насекомого. Узкая и лоснящаяся морда... гладкий лоб, переходящий прямо в подбородок, из которого в свою очередь росли два коротких волосатых усика. По бокам морды чернели круглые глаза без зрачков, между усиками зияла круглая пасть, полная игольных зубов. Это была блоха. Гигантская блоха в пальто.

Тварь открыла пасть, и на красный шарф закапала тягучая желтая слюна.

— Я сожрал столько детей... — прошипела блоха, — столько детей... В этом городе не осталось ни одного приюта. Мои куклы спрашивают меня: «Хозяин, почему в Габене нет ни одного детского приюта? Куда делись все сироты?». Все дело в том, что Гудвин сожрал всех сирот, но никто не заметил. Слепота и равнодушие... Я так их... люблю... просто обожаю...

Блоха наклонилась к мальчику, ее пальто распахнулось, и под ним обнаружилась еще одна пара конечностей — две покрытые мерзкими волосами черные блошинные лапы. Калебу стало так страшно, что он дернулся изо всех сил, пытаясь отстраниться...

Он рухнул с кровати, завопил и проснулся.

Дверь распахнулась, и в нее вбежал перепуганный папа. Он увидел, что сын лежит на полу, жалко и безвольно шевеля руками. Он подбежал к нему, поднял его и положил на кровать.

— Папочка... — прошептал Калеб. Все его лицо было мокрым от пота и слез. Он задыхался.

— Что случилось, Калеб? Что случилось, малыш?

— Г-где он? К-куда он делся?

Папа ничего не понимал. Он сам был перепуган — неужели он снова это допустил?! Неужели он снова позволил кому-то навредить его сыну?! Его рот искривился, он принялся нервно ощупывать лицо Калеба, взял его ладошку в свою руку, обнял мальчика крепко-крепко. Сын тяжело дышал, но никакого недомогания, кажется, не испытывал.

— Кто? — спросил папа. — Кто делся?

— Х-хозяин... — прошептал Калерб.

Папа отпустил его.

— Какой еще хозяин?

— Кукольник Гудвин.

Папа сжал зубы, быстро оглядел комнату. Поднялся на ноги. Заглянул под кровать, открыл дверцы шкафа. Никого не обнаружив, он вновь поглядел на Калеба. Мальчик сидел на кровати, совершенно перепуганный. Да и сам он был взволнован не на шутку, но правда была в том, что в комнате действительно никого, кроме них, не было. С одной стороны Джонатан меньше всего хотел, чтобы проклятый Гудвин был сейчас в детской, но с другой... он так хотел его придушить.

— Ты просто заснул, малыш, — сказал папа и подошел к Калебу. — Это просто дурной сон. Его здесь не было. Просто сон...

— Но мне п-показалось...

— Не бойся, малыш, мы с мамой не подпустим его к тебе.

— Он хотел... хотел...

Папа подошел к окну, выглянул на улицу. Внизу все было как обычно. Непримечательная габенская осень...

— Что он хотел?

— Он спрашивал про ми-министерство. Министерство Тайных Дел.

Папа удивленно обернулся.

— У нас нет такого министерства.

— Мне приснилось, — едва не плача проговорил Калерб. — Мне постоянно снится... Я боюсь спать...

Папа глядел на него совершенно бессильным взглядом. Он ненавидел себя за то, что ничем не мог помочь сыну, за то, что не мог никак облегчить его муки.

— А доктор Д-Доу не даст мне что-нибудь... чтобы спать без снов? Ты можешь у него спросить?

— Я пойду узнаю, сын. Прямо сейчас. Мы с мамой напишем ему. — Папа направился к двери. Он уже почти покинул детскую, когда Калерб негромко произнес, глядя в потолок:

— Марджори мне все уши прожужжала об этих куклах.

Папа замер и обернулся.

— Что?

Он сперва не понял, что именно услышал. Фраза Калеба ничего для него, вроде бы, не значила, хотя где-то он все же слышал нечто похожее и... и тут он вдруг вспомнил. И холод пробежал по его спине.

— Моя Клотильда вся обзавидуется, — сказал Калерб, по-прежнему не сводя глаз с потолка.

И тут папа все понял. Он даже рот раскрыл от нахлынувшего на него осознания. Руки его непроизвольно поднялись к вискам. Он потер их и несколько раз моргнул, пытаясь унять взбесившиеся мысли.

— Откуда ты знаешь? — спросил он дрогнувшим голосом. — Где ты это услышал?

Калерб будто очнулся. Он повернул голову и поглядел на папу.

— Что? Что такое, папочка?

— То, что ты только что сказал. Где ты это услышал?

— Я не знаю... мне приснилось. Мне снится много чего плохого. А что такое, папочка? Но папа не ответил и вышел за дверь.

Дом № 24 по Каштановой улице снова наполнился шумом.

Джонатан кричал. Марго пыталась его успокоить, но он будто бы обезумел. Он все говорил о каких-то странных вещах, о том, что все связано, о том, что все произошло не случайно, что его... их семью выбрали заранее.

Марго пыталась его утихомирить, напоминала ему, что в доме больной ребенок, но он и не думал успокаиваться или хотя бы понизить голос.

— Это Лейпшиц-старший! — вопил Джонатан и мельтешил по гостиной, задевая предметы. — Это все он! Он с ними! Это заговор! Он намеренно задержал меня в конторе в тот день, чтобы я не успел в «Тио-Тио» до закрытия!

Марго ходила следом за ним как тень и возвращала опрокинутые и сдвинутые вещи на место.

— Он и прежде тебя задерживал, — напомнила она. — Мистер Лейпшиц-старший — просто строгий и дотошный начальник и все...

Но Джонатан ее будто не слышал.

— Точнее, я так думал! — продолжил он мысль на оборванном месте. — Но те дамы из трамвая тоже с ними заодно — они обманули меня: знали, что я подслушиваю. Нет! Они намеренно говорили громко, чтобы я не мог их не услышать! Лгуны! На деле «Тио-Тио» работал допоздна! Я узнал! Мадам Фрункель не закрывалась в тот день до десяти вечера — у нее были чаепития с куклами!

— Может, они что-то напутали... — Марго принялась собирать с пола газеты и письма, которые разлетелись по сторонам, когда Джонатан задел коленом журнальный столик.

— И знаешь что? «Детские манатки Монти» работают. Монти не разорился! Это все вранье! И констебль на углу Бремроук и Харт — это вовсе не констебль! Все дело в усах, понимаешь? В усах! На том углу обычно стоит мистер Домби — у него пышные усы, а у того их не было! Он подставной! Я говорил сегодня с мистером Домби! И знаешь что? У него — усы!

— Подставные констебли в Габене? Что за чушь несусветная! Может, мистер Домби просто пошел к цирюльнику, сказал ему «Как всегда!», и уснул в кресле — такое часто случается: ты вот всегда спишь у мистера Грэма. А цирюльник перепутал его с другим констеблем-«Как-всегда» и гладко его выбрил, тот проснулся, ужаснулся и заставил выдать ему средство для ускоренного роста лицевой шевелюры. Теперь он снова с усами...

Было ясно, что Марго шутит. Вся ее история с путаницей была глупой до невозможности — так считал ее муж. И вообще — все это значило, что она не воспринимает его подозрения всерьез.

— А еще я был на углу Бремроук и Фейр — там нет никакого указателя! — раздраженно продолжал Джонатан. — Его поставили специально для меня! Все это связано!!! Меня вели, как по ниточке, в эту проклятую лавку! Все сходится! Они все в сговоре! И эти полицейские, которые сюда заявились и не стали ничего расследовать! Тупоголовые бездари! Теперь все ясно! Конечно, они не стали бы ничего искать и никого обвинять, если сами они заодно с проклятым кукольником! Как же я был слеп! Как же я был глуп... Я их разгадал, раскрыл! А мистер Граймль... он пропал — я тебе не рассказывал — боялся, что ты расстроишься.

— Так, стой-ка, — решительно прервала мужа Марго. — Что еще за мистер Граймль?

— Это частный сыщик с площади Неми-Дрё, он обладает богатым опытом негласного наблюдения, репутацией профессионального обнаружителя пропавших вещей и людей, а также цепким бульдожьим характером. Я нанял его, чтобы он выяснил, что происходит, и он решил проникнуть в «Лавку игрушек мистера Гудвина». Так вот, он пропал! С того момента, как дверь лавки игрушек за ним закрылась, больше о мистере Граймле я ничего не слышал... Ты смотришь на меня так, как будто я с ума сошел!

— Может, так и есть? — тихо предположила Марго. Она слушала Джонатана, и ей действительно стало страшно — он уже не ограничивался угрозами, а перешел к решительным действиям! Нанял какого-то сыщика, велел ему шпионить за кукольником! Для нее это известие было, словно принять ванну, полную канцелярских кнопок.

— И трамвай сломался не случайно...

Все это было уже чересчур. Она покачала головой, преградила ему дорогу, взяла его за руки.

— Только послушай себя, Джонатан! — Марго была не на шутку взволнована. — О чем ты говоришь? Может, еще и штормовое предупреждение было подстроено? Ну, чтобы город был пуст, и никто не помешал планам коварных заговорщиков?

Глаза Джонатана округлились. Он услышал ее словно впервые.

— Конечно! — Его осенило. — Как я сразу не догадался! И туманный шквал! Они все заодно!

— Успокойся, Джонатан. Прошу тебя! Так больше не может продолжаться! До чего дошло! Ты уже каких-то сыщиков нанимаешь! Забудь об этом. Давай попытаемся жить дальше. Просто жить дальше.

— Как будто ничего и не было?! — возмущенно воскликнул он. — Как будто они не изуродовали нашего ребенка? Как будто они не изуродовали нашу семью?

— Да. Как будто они не изуродовали нашу семью.

— Он даже не может спать спокойно. Ему все это снится...

Марго, не отпуская его руку, схватила с каминной полки склянку с зеленоватым порошком и ткнула Джонатану под самый нос:

— Доктор Доу прислал «Сонный сон от доктора Слиппинга». Он избавит его от кошмаров. Может, и нам с тобой выпить немного этого порошка? Нам не мешает выспаться...

— Нет, — сказал Джонатан и высвободился из рук Марго. — Я выплюсь только тогда, когда этот мерзавец ответит по заслугам. Когда они все ответят по заслугам...

Калев сидел на лестнице, слушал весь этот спор, и в какой-то миг его губы тронула едва заметная улыбка.

Это определенно был сон. Было что-то в нем такое... с гадостным привкусом. Не зря Марго показалось, что чай, который она выпила после обеда, какой-то странный. Несмотря на отчаянное желание, сама она не сыпала в него «Сонный сон», а больше в доме некому было ее усыпить: Джонатан ушел куда-то, хлопнув дверью, а Калев... ну не Калев же, в самом деле, подсыпал ей снотворное...

В этом своем сне Марго как обычно сидела в кресле напротив окна, глядела на улицу. Прохожие торопились по своим делам. Проехал на служебном самокате констебль, гудя в клаксон, после чего улочка снова погрузилась в монотонное тремпл-толльское жужжание.

В гостиной тикали часы, помимо этого дом наполнился тишиной. Джонатан бродил по

городу, вынашивал бессмысленные планы мести, ломал голову над тем, как доказать всем и каждому свою правоту. Кaleb сейчас, видимо, лежал у себя в кровати — как и все эти дни.

Почему же она подумала, что это сон? Просто начали происходить странные вещи. Слишком странные и ненормальные, чтобы быть реальными.

К примеру, Марго увидела Джеральдин. Сестра выглядывала из окошка потертого черного экипажа «Трудс», в руке у нее был бинокль. И она глядела прямо на нее, Марго. Она следила... будто бы ждала чего-то. Марго ни за что не заметила бы сестру, если бы рядом с ее окошком не остановились какие-то мальчишки, швырявшие друг в друга каштаны. Джеральдин на мгновение высунулась из окошка и прогнала их. После чего вернулась к наблюдению за окнами дома № 24. И зачем ей это понадобилось? Почему она просто не зайдет к ним в гости? Это было очень странно... по-сонному странно. Был бы здесь Джонатан, он непременно заявил бы, что Джеральдин «с ними» в сговоре или еще что-то в том же духе.

Еще страннее было то, что над землей за какие-то считанные секунды снова начал клубиться туман. Он сплетался быстро, уверенно, будто под чьими-то спицами.

— Вуууууу... вуууууу... — неожиданно раздалась сирена. Срочное Тревожное Предупреждение звучало уже второй раз за одну только неделю. Этого просто не могло быть! Туманные шквалы и прежде обрушивались на Габен, но не чаще одного раза за осень, а сейчас... Тревога проникла в уши Марго и поселилась там, наполнила ее всю, словно газ — воздушный шарик.

И тут входная дверь приотворилась — при том, что она заперла ее на замок и два засова!

Кто-то вошел в дом.

В прихожей раздалась шаги и негромкий хрип, смешанный с шипением. Топот маленьких, но сильных ног. Марго повернула голову и увидела высокого человека в пальто, маске и двууголке. В руке он держал поводок, на котором сидела блоха размером с собаку. Вернее, тварь очень походила на блоху, но что-то ее все же отличало. В частности, наличие слюнявой пасти, полной острых клыков.

Не глядя на Марго, незваный гость и его питомец ринулись вверх по лестнице и проскользнули на второй этаж. Блоха прыгала по ступеням, взбудораженно носилась туда-сюда, как всамделишная собачонка, которую вывели на прогулку.

Марго хотела было подняться с кресла и последовать за ними, она думала позвать кого-то, но не смогла пошевелить и пальцем. Проклятая сонная беспомощность... Она поглядела в окно, попыталась помахать Джеральдин. Туман становился все гуще, поднимался все выше — он уже вырос фута на три от земли, скрыв под собой брусчатку, тротуар, котлов... Он разрастался и ширился и вскоре затянул собой и экипаж Джеральдин. Последним, что увидела Марго, была улыбка глядящей на нее в бинокль сестры. Самодовольная, вероломная улыбка, как будто сейчас происходило нечто, чего она очень долго ждала. То, что она каким-то образом самолично подстроила...

Джонатан вернулся домой, отряхнулся от тумана. Морщась и фыркая, он повесил пальто и шляпу-котелок на вешалку, разулся, вошел в гостиную. В доме было холодно. Марго спала в кресле у открытого окна. Он не стал ее будить — поднялся наверх. Зашел в их спальню, сел

на кровать. Задумался.

Мистера Граймля больше никто не видел. Его контора, как и прежде, пустовала, соседи ничего не знали. И никого не волновало, что он исчез. Никому просто не было дела! Что был человек, что его нет. И это при том, что эта его контора находится по соседству с редакцией «Сплетни»!

Еще и этот туман подозрительный. Немного подумав и остыв, Джонатан все же понял, что в разговоре с Марго перегнул тогда с поддельным шквалом: слишком сложно, если не сказать невозможно, было бы подобное организовать. Это ведь погода — кому по силам ее контролировать? И тут, спустя неделю, туман вернулся. Судя по тому, что Джонатан только что видел в городе, тот застал врасплох не его одного. Обычно о том, что надвигается шторм, предупреждали заранее, но тут... сирены из вещателей на столбах и аэро-бакенах завывали совершенно неожиданно, да и то лишь тогда, когда туман уже накрыл улицы ковром в фут высотой.

Сигнал Тревоги снова загудел. На сей раз он прозвучал так резко и пронзительно, что Джонатан невольно вздрогнул, пришел в себя и поднялся на ноги. Нужно закрыть окно и разбудить Марго. Она там может совсем замерзнуть...

Джонатан вышел из комнаты, притворил дверь и вдруг услышал.

С недавних пор он всякий раз машинально вслушивался в любой звук, раздающийся в доме, когда выходил в коридор. Так, он полагал, он вовремя услышит, если случится что-то ужасное. Снова. И сейчас звук этот шел из спальни Калеба.

Джонатан бросился к детской, распахнул дверь и заглянул в комнату. Калеба нигде не было видно.

— Сынок! — позвал он. — Это папа.

Звук не стихал. Он сливался с сиреной из-за окна. Джонатан понял, что слышит плач. Сын плакал. Звук шел из шкафа.

Джонатан приблизился к нему, распахнул створки и раздвинул вешалки с верхней одеждой в стороны. Внизу, обхватив колени руками, сидел плачущий Калеб. Когда Джонатан склонился к нему, сын поднял голову. В расширенных, полных слез глазах мальчика застыл настоящий ужас.

— Тебе плохо?! — испуганно проговорил Джонатан. — Что случилось?

— Я боюсь...

— Боишься? Но чего?

— Этот человек. Он меня заберет!

— Какой человек? О чем ты говоришь?

— Этот человек, который приходил!

— Кто и куда приходил?

Губы Калеба тряслись, он глядел мимо отца — пытался увидеть, не стоит ли кто за его спиной.

— Это был... Он сказал, что это он передал мне ту куклу, Малыша Кобба. Гудвин.

Джонатан почувствовал, что воздух в легких закончился. В голове помутнело.

— Он был здесь?! — произнес он, не веря в происходящее.

— Да.

— Марго! — Джонатан повернулся к двери. — Марго!

— С ним была большущая страшная блоха, — сказал Калеб. — Она хотела меня укусить, но он не дал ей. Он сказал, что все равно меня заполучит, и я ему нужен целым. Он сказал,

что никто ему не помешает, а еще он сказал, что все равно никто не поверит, потому что полиция на его стороне.

— Когда он приходил? — дрожащим от ярости голосом спросил Джонатан. Он так крепко сжал кулаки, что костяшки пальцев хрустнули — он весь побелел.

— Сегодня... сегодня приходил.

— Марго! — снова закричал Джонатан. — Где была твоя мама? Где она была?

— Она... она заснула. Он сказал, что усыпил ее. Она спала внизу, а он зашел в наш дом, поднялся по лестнице, вошел сюда. И сказал, что доберется до меня! Что скоро доберется до меня!

— Ну уж нет, — сказал Джонатан. — Ничего не бойся, слышишь, Калев? Ничего не бойся. Он не доберется до тебя. Поверь мне. Я тебе обещаю!

Джонатан вытащил сына из шкафа, усадил его на кровать, после чего выбежал из детской. Забежал в свою спальню, достал из-под перины спрятанный там револьвер и бросился вниз по лестнице.

Марго как раз поднималась на его крики, испуганная. Она еще толком не пришла в себя после сна. Пробуждение было просто ужасным.

— Джонатан?

Он едва не сбил ее с ног, пронесшись мимо. В последний момент она успела отскочить в сторону и вжаться в стену.

— Джонатан! Что происходит?! Ты куда? Джонатан, стой!

Но Джонатан не слушал ее. Он схватил пальто и, даже не обратив внимания на шляпу, бросился вон из дома. Дверь хлопнула.

— Мама! — раздался голос Калеба.

Марго ринулась наверх и забежала в детскую. Калев стоял у окна и глядел на улицу, следил немигающим взглядом за отдаляющейся в тумане фигурой отца. Тот сжимал в руке оружие, а прохожие шарахались от него в стороны. Распахнутое пальто трепетало на ветру.

— А куда пошел папа? — спросил Калев.

На лице мальчика не было и следа былых слез, весь страх куда-то исчез, а в уголках глаз поселился совершенно недетский прищур.

Марго стояла в центре гостиной. На ней было застегнутое на все пуговицы черное платье с воротником под горло. Беспросветно-угольное траурное платье. Рядом, на столе, лежала шляпка с черной вуалью.

За эти дни много чего произошло. Сюда приходили и полиция, и Джеральдин, которая внезапно оживилась, несмотря на происходящее. Почему-то Марго чувствовала то потаенное удовольствие, которое Джеральдин всячески пыталась скрыть. Она заявила, стала командовать, утешать ее, принялась играть роль любящей старшей сестры, заботливой нянюшки и строгой учительницы в одном лице. Она заверила Марго, что той не о чем беспокоиться, что она сама организует похороны и все с этим связанное.

После самоубийства Джонатана прошло всего три дня. Квартира не то что опустела, в ней будто появился черный угол, из которого разрасталась тьма, и он, этот угол, с каждой минутой затягивал в себя всю прежнюю жизнь. Ничего не осталось. Никаких эмоций, никаких чувств.

Часы пробили девять утра. С их последним ударом внутри Марго словно заработал какой-то механизм. Не поворачивая головы, она направилась вверх по лестнице. В руке она сжимала большой кухонный нож.

Она знала, что именно произошло. Она все поняла. Но было слишком поздно. В иное время она могла бы корить себя за то, что не поверила Джонатану, за то, что не поддержала его, но сейчас из нее словно специальной машиной откачали все эмоции. И в ней осталось лишь какое-то придушенное подушкой холодное осознание происходящего.

Она поднялась по лестнице, прошла мимо их с Джонатаном спальни и двинулась прямо к детской. Зашла в комнату, тихонько прикрыла за собой дверь.

Кaleb стоял возле кровати, глядел в пол и ждал. На нем был черный костюмчик: штаны, жилетка и пиджачок. Из опущенной долу руки свисал непослушный галстук, который он так и не смог повязать. Когда мама зашла, он даже не посмотрел на нее, но его губы тронула улыбка.

— Что это за странная женщина, которая стоит у меня на пороге с ножом? — негромко произнес Кaleb. Это было сказано тем же самым голосом, который она слышала в этой комнате совсем недавно. Голосом, который она пыталась забыть.

Марго покачала головой.

— Все хуже не бывает, да, мамочка? — спросил Кaleb. — Тетушка Джеральдин слишком груба с тобой! Тетушке Джеральдин никто не позволял так говорить с моей мамочкой. А еще те злые полицейские... Как бы они не споткнулись, не упали в канаву. Они не пожалели мамочку, они тоже грубили ей, вели себя плохо.

Марго опустила глаза и шагнула вперед, не глядя на ребенка. Нож в ее руке был направлен острием в пол.

— Я знаю, что у тебя на уме, мамочка, — едва слышно сказал Кaleb. — Я вижу, что ты задумала...

— Неужели? — глухим голосом спросила она.

— Да. Ты хочешь, чтобы тетушка Джеральдин организовывала не одни похороны, а трое... трое грустных похорон! — Кaleb даже закусил губу. Она промолчала. — Это очень-очень плохая идея, мамочка.

— Да? Почему же?

— Потому что мне очень хочется жить! Как ты не понимаешь?! Это же так хорошо, когда ты — настоящий мальчик. Когда у тебя есть комната, игрушки и даже мамочка! Это же просто чудесно!

— А как же... как же... — она не смогла произнести его имя.

— Папочка сошел с ума и застрелился. Выстрелил себе в рот на скамейке в парке Элмз.

— Он не застрелился! Он бы не стал этого делать!

— Но так сказал мистер констебль.

Она зажмурилась до боли в веках, после чего открыла глаза и ненавидяще уставилась на сына.

— Зачем эти игры? — спросила она. — Мы ведь с тобой здесь одни. Зачем ты продолжаешь играть и прикидываться? Это твой Хозяин убил Джонатана.

— Хм... нет же! Папочка сошел с ума и застрелился. Выстрелил себе в рот на скамейке в парке Элмз, — слово в слово повторил ребенок. — Так сказал господин констебль.

У нее не было сил спорить.

— Ты должна кое о чем подумать, мамочка, — продолжил Кaleb. — Ты же не станешь

убивать своего любимого сыночка, а потом вонзать нож в себя?

Она промолчала.

— Ты просто пока что не видишь, но у тебя есть выбор...

— Выбор? — усмехнулась Марго. Это существо говорило не так, как ее девятилетний ребенок. Судя по словам, которые оно произносило, оно было намного, намного старше.

— Да, выбор, мамочка. Ты можешь умереть, а можешь продолжать жить. И все будет, как и прежде.

— Как и прежде ничего не будет.

— Да. Но у тебя будет твой сыночек. Хозяин сказал...

— Твой проклятый Хозяин! — из ее горла вырвался отчаянный хрип.

— Он сказал, — не обратил внимания на ее слова Кaleb, — что мамочка очень любит своего сыночка, и мамочка многое ему простит, потому что он ее плоть и кровь. Потому что он — продолжение ее самой. Это в духе мамочек. Они постоянно так поступают. И я — твое продолжение...

— Ты не мое продолжение! Ты маленький гаденыш...

— Но где-то здесь, внутри, еще живет милый, загнанный, забитый в угол Кaleb, — широко улыбаясь, проговорил мальчик. — Он прячется, плачет и зовет тебя: «Мама! Мама! Ты же не бросишь меня, мама?! Ты же не убьешь меня, мама?!»

Нож в ее руке дрогнул.

— Его уже нет. Он давно исчез.

— Не-ет, — протянул ребенок. — Он по-прежнему здесь и, если хочешь, я буду его иногда выпускать.

— Ты лжешь.

— Нет, мамочка. Я не лгу. Я не буду никогда тебе лгать, мамочка. Знаешь почему?

— И почему же?

— Потому что я тебя люблю, мамочка.

— Любишь? — с ненавистью усмехнулась она.

— Да, мамочка. Очень. Я же говорил: это так замечательно, когда у тебя есть мамочка, когда ты настоящий мальчик.

— А Джонатан?

— Папочка сошел с ума и...

— Хватит! — закричала она.

Ее совершенно не интересовало, как именно проклятая кукла заняла место ее ребенка, было ли это как-то связано с лицом, планировал ли заранее Малыш Кobb, чтобы его сожгли, специально ли он просил ее разжечь тогда камин. Она хотела узнать другое. Джонатан словно завещал ей непонимание и неумное желание понять причины...

— Что мы сделали этому проклятому Гудвину? За что он так с нами? Что ему от нас нужно?

— Ой, ему ничего не нужно. У него все есть. Это был опыт... экс-пе-ри-мент...

— Эксперимент?

Кaleb кивнул.

— Он просто пытался подарить мне мамочку. Подарить мне жизнь настоящего мальчика. У него не получалось до этого, а тут получилось. Но ты не должна об этом думать, мамочка. Здесь есть я, есть ты, где-то внутри стенает тот, кто жил здесь до меня. Все будет хорошо... Я буду иногда его выпускать. Мы закопаем папочку, и все будет хорошо. Мы будем

вместе жить. Я стану хорошим мальчиком, буду примерно себя вести... временами. И у тебя есть выбор... мамочка... — железным голосом проговорил ребенок. — Ты же не хочешь убить Калеба? Твой выбор...

Она почувствовала, что сходит с ума. В этот момент Марго Мортон просто не стало. Как будто она уже взяла и сделала то, что собиралась сделать. Как будто вонзила нож сначала своему сыну, а потом и себе — прямо в сердце. Ее просто не стало, ведь как еще объяснить то, что случилось дальше.

Марго положила нож на тумбочку, взяла из руки Калеба галстук и обвела его вокруг воротника его рубашки — принялась аккуратно его повязывать. После чего взяла мальчика за руку, и они покинули детскую.

Больше книг на сайте - Knigoed.net